Мужчина в кармане

Автор:
Юлия Климова

Мужчина в кармане

Юлия Климова

К тридцати годам Наташа успела выйти замуж и развестись. Муж остался в прошлом (прощай, милый друг, прощай), а что же маячит в будущем? Меланхолия и клуб «Кому за тридцать»? Чужие рассказы о счастливой семейной жизни? Сериалы, вязание крючком и все понимающая и сочувствующая кошка под боком?..

О нет! Это не тот случай! Наташа Амелина не из тех пресных особ, которые дружат со скукой и депрессией. Этот мир скоро вздрогнет! Этот мир скоро перевернется! Этот мир пусть и с боем, но отдаст самой необыкновенной девушке самого необыкновенного мужчину!

Сомнения? Никаких сомнений!

Юлия Климова

Мужчина в кармане

– Пожалуйста, выйди за меня замуж. – Он поймал ее запястье и опустил блюдо. – Мне просто необходима порция абсурда за завтраком каждое утро до конца моей жизни.

Взгляд Судного дня исчез. Он смотрел на нее с такой улыбкой, что у нее странно перехватило горло.

– Ну… – произнесла она и не смогла придумать, что сказать.

Лора Кинсейл.

Летняя луна

Взяв неизменный блокнот в правую руку, а неизменную ручку в левую, Герман прочистил горло неизменным «кхм-кхм», тряхнул головой и решительно вышел из комнаты.

Миновав лестницу, огражденную точеными стойками и гладкими перилами, задержавшись около зеркала, напоминающего среднестатистический поднос, края которого измазали клеем и присыпали металлической стружкой «а-ля поросячьи хвостики», убедившись, что и сегодня его внешний вид безупречен (как и вчера, и позавчера, и десять лет назад), Герман неспешным шагом направился к кабинету шефа.

Картина, которая предстанет перед его взором через несколько секунд, без сомнения, будет такой же неизменной, как блокнот в кожаной обложке, черная ручка и утреннее «кхм-кхм». В доме Дмитрия Сергеевича Кондрашова нет места неожиданностям. Нечаянные сюрпризы и мелкие случайности никогда бы не посмели родиться в монотонной атмосфере этих стен. А если бы они все же попали сюда каким-нибудь невероятным образом (возможно, с ветром или с корреспонденцией), то тут же скукожились бы и превратились в пыль, которую мгновенно бы стерла влажной тряпкой добросовестная домработница Ада Григорьевна.

И думать нечего – никаких неожиданностей!

Герман зашел в кабинет и сразу занял привычное место около окна, рядом с пышно разросшейся диффенбахией и темно-коричневым креслом. Вообще-то можно сесть, закинуть ногу на ногу и скоротать пятнадцать минут в удобной позе – шеф, сосредоточенно изучающий бумаги и делающий короткие записи в ежедневнике, все равно не заметит такой вольности. Лишь только когда узкие, как пенал первоклассника, напольные часы издадут: «бом-бом-бом…», сообщая о восьми часах утра, Дмитрий Сергеевич Кондрашов нахмурится, поднимет голову и произнесет замыленное до дыр: «М-м-м… уже восемь… Герман, доброе утро. Планы на сегодняшний день будут следующими…» И тут-то и пригодятся

неизменный блокнот и неизменная ручка. А ровно через десять минут в кабинет с подносом, на котором будет стоять обиженная жизнью серая чашка с кофе, зайдет Ада Григорьевна. Она вздохнет («опять двадцать пять!»), насупится («Дмитрий Сергеевич, вы скоро здесь ночевать будете!»), подожмет губы («и управы-то на вас не найдешь!»), оставит чашку на краю стола и бесшумно уйдет.

Да, будет так.

Привычка, возведенная в ритуал.

Наверное, африканский народ племени масаи относится к своим традициям менее трепетно, чем Кондрашов к распорядку дня. Хотя нет, он иначе просто не может. Не умеет.

Покосившись на часы, Герман встал в позицию «пятки вместе – носки врозь» и мысленно скомандовал себе:

«На старт!»

О! Он обожает свою работу! И даже этот круговорот однообразия приносит тихую, теплую порцию гордости и счастья. Что бы ни случилось, ни один мускул не дрогнет на его лице, ни одна из двух ровных, как линия горизонта, бровей не подскочит даже на миллиметр. Он уже давно не работает на Кондрашова – он ему верно служит. Да, да! Служит! С любопытством, упоением, изумлением, грустью, радостью и достоинством. Все перемешано, упаковано и подписано: «Срок годности – до конца дней своих».

«Внимание!» – Герман вновь вернул взгляд к столу.

Дмитрий Сергеевич Кондрашов. Дмитрий Сергеевич Кондрашов. В конкурсе на Лучшего Трудоголика Года он победил бы с большим отрывом. Да что года! Столетия! Тысячелетия!

Иногда, правда, он делает перерывы…

После десяти лет усердной службы Герман мог вспомнить три таких случая.

Первый был связан с женщиной. Высокой широкоплечей блондинкой в короткой юбке и коротком топе. Не снимая перламутровых босоножек, она влетела в дом, как неуемный торнадо, и за три дня успела очень многое: разбила вазу – фигуристую греческую красавицу, засыпала тонкими батончиками пепла бежевый ковер в гостиной и оставила густо-розовые следы помады практически на всех белых мягко-махровых полотенцах.

Исчезла она торопливо, прихватив с собой нежную бельгийскую фуксию, которая ранее стояла на подоконнике в кухне.

Произошло это восемь лет назад, но Ада Григорьевна до сих пор едко называет широкоплечую гостью «щипаным страусом» и качает головой, вспоминая розовые танцующие «юбочки» цветков фуксии.

Второй случай тоже был связан с женщиной. Сухонькой задумчивой брюнеткой в шерстяном костюме. Она тихо появилась, точно стыдливая мышь, тихо перемешала книги в библиотеке, понаставила во всех комнатах одинаковые прозрачные мисочки с сухофруктами и орехами, тоже запорошила батончиками пепла ковер и исчезла через неделю, ничего не прихватив с собой. Даже наоборот, покидая дом с первыми лучами солнца, она забыла в кресле унылую косметичку, набитую лекарствами, и старенький журнал «В мире науки».

Произошло это семь лет назад, но Ада Григорьевна до сих пор ворчит, протирая гладкие полки книжных шкафов в библиотеке, и больше не кладет цукаты и изюм в тесто для кекса.

И в третьем случае была повинна женщина. Маленькая, ярко-рыжая лисичка с пухлым алым ртом, одетая в обтягивающие брючки и пиджак на голое тело. Она обосновалась на целых десять дней и пропитала дом резким ароматом настойчивой лилии и непрерывными восклицаниями: «О чудо!», «Мило!», «Брависсимо!», «Кофе!», «Чай!», «Свежевыжатый сок!». Она постоянно искала несуществующий колокольчик, чтобы позвать «безалаберную прислугу», опять же сорила пепельными батончиками и аллергично чихала, жалуясь на пыль и мебельных жучков. Исчезла она с шумом и визгом, громко хлопнув дверью, выплюнув сто пятьдесят проклятий на дорожку, ведущую к гаражу, где терпеливо ожидал разгневанную хозяйку малиновый джип.

Прошло шесть лет, но Ада Григорьевна до сих пор демонстративно не прикасается к соковыжималке, не терпит лилий и вздрагивает, если увидит в какой-нибудь телевизионной передаче или рекламе обыкновенный колокольчик.

«Марш!» – мысленно произнес Герман.

«Бом-бом-бом…» – монотонно запричитали часы, похожие на пенал первоклассника.

– М-м-м… уже восемь. Герман, доброе утро. Планы на сегодняшний день будут следующими… До обеда я останусь работать дома. Последнее время в офисе невозможно сосредоточиться. В два я встречаюсь в ресторане с Овечкиным. Подготовь смету по застройке участка рядом с Прокшино. Вернусь в пять – мне понадобятся предложения по кредитам…

Герман привычно протоколировал каждое слово, успевая подумать о том, что в ближайшее время необходимо купить дополнительный блок листов для блокнота и стрежень для ручки. Поддерживая принцип неизменности, он всегда покупал стержень с черными чернилами. И никогда с синими. Гармония постоянства не должна быть нарушена – ни в чем.

А другая гармония здесь бы и не прижилась, она бы погибла смертью храбрых еще на подступах к этому кабинету.

Дверь открылась, и Ада Григорьевна вплыла с подносом в руках. Вплыла и выплыла, поставив на стол серую чашку с кофе и подбросив к потолку недовольные восклицания: «Опять двадцать пять!», «Дмитрий Сергеевич, вы скоро здесь ночевать будете!», «И управы-то на вас не найдешь!»

Кондрашов отложил бумаги в сторону, сделал один глоток и внимательно посмотрел на Германа. На лбу Дмитрия Сергеевича образовалась морщина, наглядно демонстрирующая работу вечного двигателя – мозга.

«А сейчас пойдут мои обязанности», – приготовился Герман, ничуть не надеясь на лавры провидца. Неизменность, что тут еще можно сказать.

– Я бы хотел ознакомиться с книжными новинками по маркетингу. Купи три любые книги на твое усмотрение. И сегодня мне не хватит времени на прессу – просмотри газеты и журналы сам, отметь интересные для меня статьи.

– Конечно, – ответил Герман, продолжая строчить в блокноте. О! Интересы шефа! Они тоже понятны и предсказуемы…

Кондрашов сделал еще один глоток кофе, отставил чашку и залистал страницы ежедневника.

– В среду прилетает Ганс. Займись гостиницей и ужином. Никаких неувязок быть не должно. И организуй ему какую-нибудь экскурсию, в прошлый раз он сожалел, что не смог ознакомиться с достопримечательностями.

– Конечно, – кивнул Герман.

– Найди хорошего дизайнера – необходимо привести в порядок левое крыло дома.

– Что именно вы хотите изменить?

На лице Дмитрия Сергеевича появилось секундное замешательство, столь не свойственное ему. И от Германа этот удивительный и неслыханный факт не утаился.

– Мне кажется, там сыро, – Кондрашов захлопнул ежедневник и положил на него руку, точно собрался присягать. – И мало света, – неуверенно добавил он.

– Мы ждем гостей? – решил уточнить Герман.

– Нет, не гостей, – покачал головой Дмитрий Сергеевич и продолжил уже обычным ровным тоном: – В левом крыле будет проживать моя жена. Я слабо представляю, какой интерьер может понравиться молодой женщине, поэтому всецело полагаюсь на твой вкус. Если возникнут затруднения, обратись к Аде Григорьевне. Она женщина мудрая и… – Кондрашов осекся и нахмурился еще больше. Теперь на его лбу красовались две морщины (параллельные), – …и, наверное, она разбирается в этих вопросах.

Брови Германа, ровные, как линия горизонта, первый раз за десять лет дрогнули.

Шеф женится.

Это сравнимо с прилетом инопланетян (похожих на зеленую редьку и рыбу-ёж одновременно), это сравнимо с летним снегопадом (клубы сладкой ваты старательно плюют с неба прямо на календарь), это сравнимо с появлением огромной глыбы айсберга в центре Москвы (того самого айсберга, который исподтишка пырнул брюхо «Титаника»)…

Нет, это ни с чем не сравнимо.

И что означают слова «в левом крыле будет проживать моя жена»? А где собирается проживать сам Кондрашов Дмитрий Сергеевич?

Видимо, в правом крыле… в своей спальне. В спальне, знакомой до каждого прямоугольничка паркета (коричнево-янтарного), в спальне, знакомой до каждой ворсинки бархатистых обоев (песочно-шоколадных с вертикальными прожилками золотых полос), в спальне, знакомой до каждой капли света, вырывающегося из скрученных ламп итальянской люстры (латунно-керамической). Видимо, так…

И без того ровная спина Германа стала еще ровнее, он чуть подался вперед и все же уточнил:

– Вы женитесь?

– Да.

– Кхм-кхм…

– Мне сорок два года. Тянуть больше не имеет смысла. Мне нужен наследник – сын, которому я смогу передать свое дело. Полагаю, здесь все понятно.

Он убрал руку с ежедневника, потер лоб ладонью, прогоняя морщины (и они послушно исчезли), выдвинул верхний ящик стола и углубился в мир строгих

черных папок.

«Мой шеф женится». Герман представил выражение лица Ады Григорьевны в момент, когда та узнает новость, и вспомнил три разномастные персоны женского пола, которые много лет назад умудрились не только переступить порог этого дома и насорить пепельными батончиками на ковер, но и задержались в нем на некоторое время.

Какой же будет жена Кондрашова?

Блондинка?

Брюнетка?

Рыжая?

И когда он успел?!

Вернее, как смог?!

Разве он, Герман, не ведает о каждом шаге шефа? Разве не он каждое утро без пятнадцати восемь встречает его в этом кабинете? Разве не короткий хлопок дверью спальни Кондрашова является своеобразным ежевечерним «спокойной ночи»?

Они живут в одном доме (пусть на разных этажах, неважно), они работают в одной связке долгих десять лет (как скалолазы, взбирающиеся на вершину Килиманджаро), и если проверить, то наверняка окажется, что мысленно они уже давно одинаково и синхронно решают одни и те же проблемы, разгибают одни и те же вопросительные знаки и заменяют многоточия цифрами и точками.

Так когда же?

Где?!

Как?!

Герман закрыл блокнот и, проглотив волнение, отправил в сторону Кондрашова встревоженный взгляд. Быть может, шеф пошутил (вдруг научился)? Вот сейчас он скажет: «Ты меня не так понял», внесет ясность и закончит неизменным: «Герман, я на тебя рассчитываю».

– Будь любезен, проверь, в каком состоянии мой смокинг, кажется, в прошлую пятницу в «Торг Клубе» я испачкал рукав.

Герман вновь открыл блокнот и автоматически сделал еще одну запись, а Кондрашов вынул из ящика стопку из трех тонких папок и задумчиво прижал их к груди.

– И найди мне женщину, Герман. Жену. Молодую – от двадцати восьми до тридцати двух лет, приятную внешне. С хорошим здоровьем, без вредных привычек. Ее статус неважен – достаточно высшего образования и спокойного характера. Я понимаю, что за один день ты не управишься, но все-таки не затягивай… Да, не затягивай. – Кондрашов махнул рукой, благословляя, положил папки перед собой, деловито открыл верхнюю, замер и, погружаясь в вязкое болото работы, прощально и неизменно добавил: – Герман, я на тебя рассчитываю.

Глава 1

Вопрос на засыпку: Есть ли жизнь после развода?

Ответ: О да! Есть! Еще какая!

Первое, что я сделала, когда развелась, – купила новое постельное белье, пригласила в гости старого друга, и мы с ним прорезвились до утра, прерывая минуты страсти бесконечными дискуссиями о его нынешней жене и о моем бывшем муже. Было весело, скажу я вам. Да! Было весело! На следующий день, с одной стороны, хотелось спать, а с другой – совершить нечто нереальное. Что-нибудь настолько невозможно-невероятное, чтобы надорванная со всех краев самооценка обрела прежний вид. Нет, не покрылась стежками штопки через край, а срослась и стала как новенькая.

Я много чего перебрала и решила исправлять положение при помощи мужчины. Но не первого встречного-поперечного, а такого, чтобы увидеть и ахнуть, чтобы самой себе начать завидовать. То есть я должна заполучить такого мужчину, которого просто невозможно заполучить. И дело не в том, богат он или нет, главное – чтобы был неприступен и чертовски хорош как внешне, так и внутренне.

Ваши предложения? Что? Замахнуться на президента? Признаться – могу, но он настолько занятой человек, что осложнять его жизнь еще больше просто непорядочно. А я из тех, кто именно осложняет жизнь, кто берет судьбу за шкирку и тащит за собой, пока она не выдохнется и не запросит пощады. Терпеть не могу, когда плывут по течению, и всегда свою лодку поворачиваю навстречу волнам, туда, где подводные камни рисуют еле заметное волнение на воде. Дайте мне весло, а уж до противоположного берега я доберусь сама! Хотя и весло необязательно, я сниму свою любимую красную майку, натяну ее на гладкую ветку и буду дуть до тех пор, пока лодка не пробуравит пенящуюся поверхность моря и не зашуршит по мелкому песку нужного мне берега.

Что-то я отвлеклась. Подобное со мной случается часто, так что не стесняйтесь, перебивайте и требуйте продолжения. Итак, мы разговаривали о мужчинах, вернее, о недоступных мужчинах – именно ими и должна быть забита моя голова.

Начнем по порядку. Что я знаю о мужчинах? Они хотят счастья, но так как за ним идти слишком далеко и трудно, предпочитают бутылку пива и футбол. Они любят красивые машины и сексуальных женщин, хотя, надо заметить, женятся всегда на полной противоположности того образа, который живет в их мечтах с подросткового возраста. А перед сексуальными женщинами они робеют. Да, вот такие дела, и исправить ситуацию невозможно. Хотят и робеют, и приходится нам, сексуальным женщинам, брать груз первого шага на себя: кокетливо поводить плечом, томно взирать, вилять бедрами, одаривать улыбкой и, в конце концов, когда силы уже на исходе, а он все сидит и думает: ему или не ему предназначены эти знаки внимания, – набирать в легкие побольше воздуха и кричать изо всех сил «Да, Вася (Коля, Саша, Андрюша…)! Это я для тебя стараюсь! Поднимайся, идем в ресторан!»

О! Я забыла представиться. Вот так всегда, как только речь заходит о мужчинах, голова переполняется бесконечными мыслями, которые надолго лишают меня возможности здраво соображать. А все почему? Да потому, что они, мужчины,

как ни крути, все же милые.

Итак, меня зовут Амелина Наталья Викторовна. Для вас просто Наташа. Мне тридцать лет, и я теперь свободная женщина, ищущая приключений на свою самооценку.

Справка

Немного о моем замужестве

Было неплохо, но… Сейчас-то я понимаю, что это была скучная жизнь. Утро без огонька, день без огонька и вечер без того же самого. Приблизительно так. Пять лет всякой всячины – тра-ля-ля-ля, о-хо-хо, ха-ха-ха, и тоскливый «упс» в конце.

А познакомились мы весной – журчали ручьи, каркали вороны, набухали почки и мозги, светило солнце, и очень хотелось раздеться… Что мы и сделали на третий день знакомства.

Коммуналка, съемная однушка, а затем двухкомнатная квартира, доставшаяся мне по витиеватому наследству. Макароны с сосисками, жиденькие супчики и обязательная бутылка дорогого вина в субботу. Сигареты, кафешки, рестораны, друзья, новый диван и «Наташа, иногда мне кажется, что жизнь не удалась…». А в ответ добросовестное и вполне искреннее, а может, даже пророческое: «Ерунда, тебе это только кажется, все самое лучшее впереди!»

Пять лет… пять лет от звонка до звонка!

Давайте я опишу себя, это, бесспорно, нас сблизит. Метр семьдесят, короткая стрижка, волосы каштановые, слегка вьются. Тонкие черты лица, двадцать шесть мелких конопушек на переносице, большие серые глаза, длинные ресницы и многообещающая улыбка. Хотите верьте, хотите нет, но я хороша. До чего же я хороша!

Вы желаете спросить, почему же я тогда развелась? Кто виноват? Одну секундочку.

Справка

Мой развод

Скажу вам честно и сразу – мой драгоценный муж меня бросил. Ага. Встал с нового дивана и ушел. Топ-топ-топ навстречу солнцу. «Наташа, я так больше не могу…» И бутылку рубинового «Шато Дюпре» в ближайшую субботу мне пришлось выпить самостоятельно.

Он ушел, потому что его жизнь со мной все-таки не удалась. Потому что выдержать меня может не каждый, потому что очень тяжело соответствовать. Тяжело любить… не себя, а другого человека.

Два месяца я думала.

Уже не помню о чем.

А потом подала на развод.

А потом успешно развелась (бывший, как ни странно, был против, сообщил, что, возможно, еще пересмотрит свое отношение к нашему браку, но его мнение уже никого не интересовало…).

А потом я купила новое постельное белье, пригласила в гости старого друга, и мы с ним прорезвились до утра… Кажется, я об этом рассказывала.

Но осадок-то остался. Это же невероятно, что я – столь замечательная особа – оказалась брошенной! Это никуда не годится! Это… хм… противно! А с дурацким «противно» я жить не намерена. Хочется чего-то доказать (не знаю кому), хочется перевернуть мир вверх тормашками, хочется окончательно и бесповоротно возвратить себе себя!

Извините за пафос, на самом деле все гораздо проще.

Мне не хватало огня, и я его намерена заполучить во что бы то ни стало.

О прошлом поговорили, опять переходим к будущему.

Я не собираюсь зацикливаться на поиске недоступного и невероятного мужчины, уверена, очень скоро он сам появится на горизонте. Он подсознательно почувствует флюиды, идущие от меня, и обязательно либо свернет не на ту улицу, на которую привык сворачивать, либо споткнется, зацепившись за острый мысок моей туфли, либо ошибется номером телефона, и мой мобильник запиликает, либо еще что-нибудь в этом роде. Хотя сейчас я немножечко лукавлю, я буду выискивать его в толпе, буду прислушиваться к биенью сердец спешащих мимо незнакомцев, буду заглядывать в окошки машин и совершать многое другое, что принесет мне душевный трепет и все же сделает меня охотницей.

Пойду ли я на все ради завоевания недоступного мужчины? Пойду, и вы сами это увидите.

* * *

Утро понедельника никогда не несет в себе ничего хорошего. Резкий призыв будильника военным маршем влетает в уши, одеяло всегда оказывается на полу, зубная паста кажется слишком едкой, а кофе – невкусно-горьким. Тональный крем отвратительно ложится на кожу, засыхая темными островками то рядом с носом, то на подбородке. С духами случается перебор, с помадой тоже… Любимо-удобная кофточка либо утеряна в недрах шкафа, либо застряла в стирке. Любимо-удобные джинсы либо забрызганы сзади грязной жижей, либо награждены спереди каким-нибудь гадким пятном (одиночество которого не уменьшает его проблемности). Плохо. Очень плохо.

А все почему? А все потому, что нужно идти на работу!

Нужно вытащить себя из тепла и уюта и отправить в ссылку на другой конец Москвы. Туда, где вяло суетятся невыспавшиеся братья и сестры по разуму (то есть сослуживцы), где шныряет по узкому коридору невыспавшийся босс и где орудует шваброй невыспавшаяся уборщица (самозабвенно мечтающая прихлопнуть каждого, кто проливает чай на пол, – и ведь абсолютно права!).

У вас то же самое?

Прекрасно, значит, не я одна такая несчастная по понедельникам.

Зато утренние подъемы по вторникам, средам, четвергам и пятницам не переполняют мое тело и душу трагизмом, и вовсе не потому, что на мелкую и крупную моторику уже не влияют выходные, а потому что я выбрала себе такую работу, которая позволяет лениться, мечтать и даже прогуливать (пусть это будет нашим маленьким секретом… злоупотребляю я, в общем-то, не часто). И если бы не планерки по понедельникам, на которые категорически нельзя опаздывать, я бы сказала, что меня все устраивает.

– Посмотри на часы, – сурово скажет мой босс Андрей Юрьевич Бондаренко (симпатичный мужчина, кстати).

– И что случилось на этот раз? – усмехнется старший менеджер средненьких проектов Лариса Витальевна Глухова (когда-то она трудилась над обертками для сливочного масла и маргарина, затем лет десять посвятила буклетам – есть чем гордиться, а уж потом переметнулась к нам и взлетела по служебной лестнице…).

– Ох, сейчас всем тяжело, но расслабляться нельзя, – туманно и тактично выдаст руководитель коммерческого отдела Иван Иванович Мухин (нормальный товарищ, если не вспоминать о его подвигах на корпоративных вечеринках, когда он из флегматика превращается в горного козла – отряд: парнокопытные, семейство: полорогие, тип: похотливые).

– Кофе будешь? – отправляя сигарету за ухо, в качестве моральной поддержки по-простецки спросит гениальнейший художник и лоботряс Середа (зовут Леонидом, но об этом редко кто вспоминает).

– Андрей Юрьевич, в запасе еще пять минут. Лариса Витальевна, не волнуйтесь, проблем пока не наблюдается. Иван Иванович, вы абсолютно правы, нужно быть в тонусе. Валяй, Середа, давай сюда свой кофе, – отвечу я всем по порядку и плюхнусь на свободный стул.

Опаздываю я очень редко, но почему-то внимание окружающих всегда сосредоточено именно на мне. И я уверена, даже те, кто терпеть меня не может,

втайне меня ровно с такой же силой горячо любят. Особенно это касается Ларисы Витальевны.

Забыла сказать! Работаю я в дизайн-студии «Ла-Пэкс». Жилые и нежилые помещения под нашим чутким руководством превращаются в нетленные произведения искусства.

Ваши проблемы, связанные с интерьером, – наши проблемы.

Воплощаем мечты, расширяем пространство, создаем настроение, дарим гармонию и так далее.

Собственно, это правда – у нас не какая-нибудь шарашкина контора, а весьма приличная студия, в которой на каждый квадратный метр приходится по два профессионала (я, конечно же, не исключение).

Последнее время владельцы загородных домов, магазинов и ресторанов заваливают «Ла-Пэкс» заказами (ну, один-два крупных заказа в месяц случается), в связи с чем Бондаренко растягивает планерку на целый час (подсознательно он боится, что рядом с белой полосой нагло пристроится широкая черная) – тоска зеленая, в которой нуждается только Лариса Витальевна (уверена, она тайно влюблена в босса и косо смотрит в мою сторону и по этому поводу тоже – ревность пока еще никто не отменял).

А я – дизайнер. Мне нравится смешивать цвета, ткани, солнечный свет и ничего не значащую ерунду. Мне нравится придумывать и менять, делать ярче или, наоборот, спокойнее. И даже портить нравится! Портить в лучшую сторону, если вы меня понимаете…

Специализируюсь я на жилых помещениях. Скрепя сердце, Андрей Юрьевич частенько доверяет мне бодренькие проекты и всегда, когда я отправляюсь на первую встречу с новым клиентом, стоит у окна и провожает меня взглядом. Наверное, в этом и кроется разгадка ревности Ларисы Витальевны.

О! Я могла бы ее утешить и объяснить, что таким образом Андрей Юрьевич лишь успокаивает себя. Иногда мне даже кажется, будто я слышу его «заговор на удачу», слышу, как в спину летит: «она будет вести себя хорошо», «она ничего не отчебучит», «умоляю, Наташа, не нужно креатива, только не в этот раз…»,

«и… и веди себя прилично, черт побери!!!».

Я хороший дизайнер. И Андрей Юрьевич об этом знает.

* * *

В офис я влетела без пятнадцати девять. Если учесть настойчиво падающий снег, гололед, общее желание огромного количества владельцев транспортных средств добраться до работы вовремя, а также очередь на заправке за бензином (наивкуснейшим Аи-95), то результат неплохой.

Без пяти девять я уже была на планерке. Лариса Витальевна многозначительно фыркнула и посмотрела на часы (не дождешься!), а Середа молча придвинул мне пластиковый стаканчик с остывшим кофе.

– Спасибо, – кивнула я, нетерпеливо барабаня пальцами по столу.

– У Бондаренко есть для тебя работенка, – наклонившись к моему уху, шепнул он. – Кажется, крупная рыба попалась в сеть…

О, обожаю ответственность. Обожаю, когда от меня зависит очень многое. Мне кажется, я становлюсь выше ростом, худее килограмма на два, еще привлекательнее и талантливее (хотя куда уж больше). Предвкушение Великой Игры Света и Тени дрожит в груди робко и уверенно одновременно. Невозможное возможно – и это в моей власти! Ну все… понеслось… Воображение опять делает кувырок через голову и приводит к глобальному сотрясению мозга.

До разговора с Бондаренко лучше ни о чем не думать.

Хм, интересно, речь идет о квартире или коттедже? Интересно, какой стиль интересует пока неведомого владельца роскошной жилплощади («крупной рыбы»), интересно, сколько ему лет? И вообще, речь о мужчине? Сейчас это важно… Сейчас бы меня это взбодрило.

– А подробности? – Я ответно наклонилась к Середе и сразу наткнулась на укоризненный взгляд Ларисы Витальевны.

Ну а теперь вы чем недовольны, многоуважаемая? Или вы имеете виды и на нашего гениального художника тоже?

– С подробностями пока негусто, но ждать осталось недолго… клиент явится к десяти.

– Уже приятно то, что планерка не растянется на полтора часа, – усмехнулась я и откинулась на мягкую спинку стула.

На этой радостной ноте в переговорную зашел Бондаренко, закрыл за собой дверь, многозначительно посмотрел на меня (не волнуйтесь, Андрей Юрьевич, я все знаю) и направился к привычному месту во главе стола.

– Доброе утро. Ну что ж, пожалуй, начнем…

Валяйте.

Ага, нужно работать лучше – да это практически мой девиз!

Ага, за опоздания будут штрафовать – а гололед – уважительная причина?

Ага, многие курят по три часа в день – Минздрав, ау-у-у…

Ага, канцтовары по-прежнему исчезают из шкафа со скоростью звука – я давно говорила, что нужно обыскивать при выходе… это так возбуждающе… и лучше, если это будет делать сам Андрей Юрьевич (уверена, со стороны Ларисы Витальевны возражений не последует).

Ага, новые образцы тканей до рези в глазах напоминают старые – а это и есть старые, я сама порекомендовала ответственной Олечке перемешать странички каталога…

Ага, премии не будет – надо бы начать курить по три часа в день…

Ага, мы получили два крупных заказа – один мой, никому не отдам!

Ага, можно расходиться по рабочим местам – а как же фраза «а вас, Штирлиц, я попрошу остаться»?!

– Наташа, я тебя жду в своем кабинете в десять часов пятнадцать минут…

О да, о да! Наконец-то я погружусь с головой в творчество, гульну на широкую ногу в плане реализации своих идей, получу приличные денежки и… и сделаю ремонт в собственной квартире. Ага, а то я как сапожник без сапог – дома сплошной хаос. Ни тебе трости и шляпы в прихожей, ни газетницы-виньетки цвета шоколадного пряника там же, ни японского светильника высотой один метр, ни скульптуры обнаженной Андромеды, возлежащей на камне (надеюсь, вы понимаете, что это шутка, никаких голых Андромед мое дизайнерское сердце не выдержит!). Сейчас подумала об этом, и стало жалко собственную квартирку, вздыхающую по декоративной штукатурке и длинноворсному валику.

– …как я уже сказал, у нас два крупных заказа. Один твой, один Бережкова… В десять приедет клиент, кстати, он мой бывший одноклассник…

Отлично. Значит, ему сорок лет (мой любимый возраст у мужчин), он не будет задерживать оплату (надежность и своевременность прежде всего!) и он весьма симпатичен (не факт, логики никакой, но мне так приятнее думать).

– …я надеюсь, что… – Бондаренко проткнул меня взглядом насквозь, – я надеюсь, что этот заказ мы выполним на пять баллов.

Можно подумать, кто-то в этом сомневается! Я покосилась на заострившуюся во всех местах Ларису Витальевну и хмыкнула. Да вот, есть среди нас подозрительные, пессимистично настроенные, неуверенные и мрачные личности, которые в данный момент дергают носом и ерзают на стуле. И мне кажется, эти личности однажды вступят в связь с космосом и навлекут на «Ла-Пэкс» большие неприятности в виде форс-мажора в кубе. А что? Какие мысли, такие и обстоятельства, такое и будущее…

– Андрей Юрьевич, я вас хоть раз подводила? – этот вопрос я задала с профессиональной серьезностью и с не менее профессиональной обидой.

– Нет, – проскрипел Бондаренко, хмуря лоб, нервно расстегивая пуговицы пиджака и отводя глаза в сторону.

И это абсолютная правда. И в этом весь парадокс! Я никогда не совершала ничего ужасного, никогда не грубила клиентам, никогда не обманывала их. Зато я предлагала то, о чем они упорно мечтали долгие годы (но боялись попросить…). Я всегда задавала вопрос: вы уверены? – и укладывалась в срок.

И никогда не втаскивала под покровом ночи в чью-нибудь квартиру все ту же голую Андромеду.

Но Андрей Юрьевич Бондаренко настойчиво ждет от меня чего-то подобного. И не только он.

«Понимаешь… – обычно начинает вносить ясность философично настроенный Середа, – ты слишком живая. Страшно подумать, что у тебя в голове. Им страшно. И даже мне иногда. Ты непредсказуема, а это всегда пугает людей. – Тут он обычно выдерживает паузу, щелкает зажигалкой и вдыхает сигаретный дым. – Они боятся твоих слов, потому что ты мимоходом можешь вскрыть правду, как консервным ножом обычно вскрывают банку зеленого горошка. Твой стоп-кран давно сорван и не работает. Они безоружны».

Слушать подобные изречения приятно, но мне кажется, я к этой философии имею весьма туманное отношение. Хотя я сильная. Очень сильная! И да, меня все боятся! Р-р-р…

К 10.15 я успела очень многое. Выпила три стаканчика кофе, показала язык по-прежнему остроугольной Глуховой, получила вслед банальное: «ненормальная» и обсудила с Середой предстоящую победу на всех фронтах – уложилась в двадцать минут. И точно в назначенное время легко и непринужденно распахнула дверь кабинета Бондаренко.

– Доброе утро. – Я выдала самую лучезарную улыбку и тут же утонула в комплиментах, которые посыпались на мою голову со стороны отчего-то порозовевшего Андрея Юрьевича. «Лучший дизайнер…», «Наташа у нас молодец…», «Самые ответственные заказы я всегда доверяю только ей…».

Да, доброе утро, мои дорогие!

Я здесь, и счастье вам обеспечено!

* * *

«Крупной рыбой» оказался приятный брюнет в темно-сером костюме, белой рубашке и навязчиво полосатом галстуке. Александр Сергеевич Листопадов.

Какая фамилия! Ах, ну почему сейчас конец ноября, а не вторая половина сентября? Это было бы очень уместно и кстати!

Листопадов.

Листопадов.

Листопадов!

Осенняя песня – бордовое на золотом, оранжевое вперемешку с уходящим зеленым. И полосочки на галстуке не просто так, не случайно… это веточки…

– Наташа, – Бондаренко вернул меня с небес на землю, – полагаю, ты сможешь приступить уже завтра?

– Если вы заняты, я могу и подождать, – мягко улыбнулся Александр Сергеевич.

Хм, я занята… угу… но уж ладно, выкрою для вас полдня… или недельку… посмотрим, посмотрим…

Глаза Бондаренко предупредительно вспыхнули, короткая светлая челка ощетинилась: «Только попробуй, Амелина, только попробуй сбиться с правильного курса…»

– Я совершенно не занята и завтра буду рада осмотреть вашу квартиру. Вы поделитесь своими пожеланиями, я предложу что-то свое, и в конце концов мы обязательно отыщем золотую середину.

Такую же золотую, как и ваша фамилия.

– Прекрасно. – Александр Сергеевич чуть подался вперед и прищурился. – Я очень рад, что именно вы будете мне помогать.

Сердце потупило взор и зашаркало ножкой. Я старалась, старалась не думать: а вдруг это он? Тот самый? Ну, вы меня понимаете… Невозможный, невероятный, самый лучший. Старалась, но воображение несло вперед, не цепляясь даже за кочки. Надо признать, мой интерес к Листопадову резко превысил отметку под названием «Работа», и случилось это как минимум десять минут назад…

Мне нравится его уверенность в себе, и он наверняка избалован женским вниманием – и это тоже нравится. И что его брюнетистые волосы длинноваты и ждут встречи с парикмахером, и что идеальная трехдневная небритость делает его похожим на лихого пирата и уставшего командировочного одновременно, и что он уже (улыбкой, жестом, прищуром) сделал свой ход – нравится!

Легко ли вскружить голову такому мужчине?

Уверена, нет.

Я имею в виду не флирт и последующие коротко-взрослые отношения, а банальное биение его сердца – ух, ух, ух!

А мне необходимо именно его сердце – раз и навсегда. Раз и навсегда.

– Взаимно, – ответила я и многозначительно посмотрела на Бондаренко.

«А у вас весьма симпатичные бывшие одноклассники, Андрей Юрьевич… ага!»

По лицу моего босса пробежала тень ужаса, он побледнел и хлопнулся в обморок!

Шучу. Он просто тяжело вздохнул и опустился в кресло. И, наверное, с удвоенной силой и верой принялся читать «заговор на удачу».

Глава 2

Вопрос на засыпку: Как отличить настоящего мужчину от подделки?

Ответ: Проверьте его на прочность!

Возможно, Лариса Витальевна и права – я ненормальная. Вчерашнее наваждение прошло, и утром я уже не чувствовала легкого маразматического головокружения, которое в народе называется влюбленностью. И это меня очень порадовало, потому что только холод во всех жизненно важных органах позволяет воспринимать происходящее объективно. Сначала нужно оглядеться, расставить ловушки и вообще решить – мой это случай или нет. Не иду ли я по ложному следу? Не тороплюсь ли я? А уж потом…

Пятикомнатная квартира Листопадова находилась в элитной трехсекционной новостройке в районе проспекта Мира и имела добротную отделку, большущие окна, две ванные комнаты и стеклянный закуток, предназначенный для зимнего сада, – краткое описание, торопливо данное вчера Бондаренко. Работа предстояла огромная. Мое дизайнерское сердце предвкушало праздник! Еще не прикоснувшись к атмосфере квартиры, я мысленно перебирала ткани и краску, предполагала поездку на аукцион мебели, а заодно и в магазины-лавчонки, где иногда можно раздобыть настоящие сокровища. Мне почему-то казалось, что Александр Сергеевич потянется к современному классическому стилю. Современному с налетом старины. Его усталость будет очень хорошо гармонировать с пухлыми пружинными сиденьями кресел и с натуральными материалами спокойных тонов. Его целеустремленность удобно устроится среди геометрии мебели, а ирония, точно мячик для пинг-понга, будет отскакивать от зеркал и книжных полок – влево-вправо, влево-вправо…

Александр Сергеевич, я уже еду!

До проспекта Мира я добралась быстро, мой серо-голубой «Фольксваген», мой Мышонок, стоически выдержал ранний ноябрьский снег и чихнул только один раз при выезде со двора. Нет, к зиме я категорически не готова и поэтому до сих пор щеголяю в короткой юбке и коротком плаще, щедро демонстрирующих мои очаровательные коленки.

Поднявшись на третий этаж, я немного потопталась около широкой двери (в такой проем влезет не только Андромеда, но и спасший ее от морского

чудовища Персей в придачу, причем в горизонтальном положении) и только затем надавила на кнопку дурацкого гламурного звонка.

– Наташа, здравствуйте, – распахнув дверь, поприветствовал меня Александр Сергеевич Листопадов. Он был одет в джинсы, тонкий синий свитер и казался моложе, чем вчера.

– Здравствуйте, – дежурно улыбнулась я и, кивнув на звонок, добавила: – Его-то мы заменим в первую очередь.

– Согласен, – усмехнулся Александр Сергеевич и поднял руки вверх, сдаваясь. – Собственно, он уже был прилеплен, когда я въехал.

– Так вы живете здесь? – поинтересовалась я, перешагивая порог.

– Да, прежнее жилье я отдал брату – он скоропалительно женился, а ютиться в гостинице или съемной квартире мне не хотелось. Я совершенно спокойно отношусь к запаху краски и ничего не имею против временных неудобств… Ремонт так ремонт! Мне здесь нравится. И, если быть честным, большую часть дня я пропадаю в офисе.

– А чем вы занимаетесь? – Я скинула сапожки, бросила сумку на тощую кушетку, сняла плащ, передала его в заботливые руки Александра Сергеевича и машинально одернула кофточку.

– Бытовой техникой.

– Вы ее изобретаете? – широко улыбнулась я.

– Нет, – он улыбнулся в ответ, – продаю оптом и в розницу.

– То есть нам с вами не нужно будет беспокоится о том, где купить пылесос?

– Абсолютно верно!

– Ну, показывайте свои владения.

Аккуратно повесив мой плащ на вешалку временного простенького шкафа, Александр Сергеевич приглашающе махнул рукой.

– Чувствуйте себя как дома, Наташа.

Отделка действительно оказалась добротной, и главное – ничего лишнего. Бери да делай все, что душе угодно! Это значительно облегчит мне задачу, потому что лишние перегородки, неуместные арочки, лепнина то тут, то там безнадежно засоряют пространство и сначала приходится стирать ненужные штрихи и только потом браться за волшебную палочку собственного вдохновения.

Три комнаты были абсолютно пусты, две другие – минимально обжиты Листопадовым. Пара столов, стулья, кресло, еще один шкаф (помощнее и повыше), жалюзи, телевизор, книги в углу неряшливой стопкой, папки на высоком барном табурете, чашка на подоконнике, стакан, бутылка виски.

Кухня же меня удивила. Похоже, бытовой техникой Александр Сергеевич решил запастись заранее (или его склады переполнены?). В углу – шестидверный холодильник цвета нержавеющей стали, рядом угадывался винный шкаф. На стеклянном столе расположились соковыжималка, чайник и кофеварка. На тумбах в ряд – микроволновка, тостер, маленький телевизор, DVD-плеер, космическая магнитола. Далее – плита, еще один барный табурет, мойка.

– А давно вы здесь живете? – поинтересовалась я.

– Можно сказать, что и давно. Полгода. Поначалу хотел сделать ремонт сразу, но мне предстояла череда командировок, и это суетное событие я немного отложил. Я из тех педантов, который должны следить за каждой мелочью.

– Прекрасно вас понимаю.

Я обернулась. Александр Сергеевич потер гладко выбритую щеку и шагнул ко мне. Показалось или в его глазах сверкнул огонь самодовольства и жадности?

Эй, не нужно на меня так смотреть…

Я не голая Андромеда! Я вообще не имею к ней никакого отношения!

– Я очень рад, что Андрей порекомендовал мне именно вас, Наташа.

– Полагаю, он это сделал скрепя сердце.

– Почему?

Пожав плечами, я прошла мимо Листопадова. А что я могла ему ответить? Что Бондаренко тайно побаивается меня? Или что он побаивается моего буйного вдохновения? Александр Сергеевич, Александр Сергеевич, вы еще не знаете, с кем связались. Вы еще не знаете, на кого вы так жадно смотрите – на женщину, которая открыла охоту на необыкновенного мужчину! Хм, а допустимы ли во время охоты случайные жертвы? Пах-пах-пах! Кто не спрятался – я не виновата.

И почему он все время произносит мое имя так, точно оно означает – «проходите, раздевайтесь и ложитесь на кушетку»? Это сбивает меня с толку, я путаюсь. Кто на кого охотится?!!

Ванные комнаты не произвели на меня особого впечатления, а вот около стеклянного закуточка, предназначенного для зимнего сада, я задержалась.

– Александр Сергеевич, вы любите цветы?

– Наташа, зовите меня как-нибудь покороче. – Его губы тронула улыбка Чеширского Кота.

– Так вы любите цветы, Александр?

– При условии, что за ними ухаживает кто-то другой.

– Полагаю, у вас не будет с этим проблем.

– Вы правильно полагаете, Наташа.

– А может, организовать здесь ваш кабинет? Ну их – эти цветы, а? – я наклонила голову набок, старательно изображая Алису, предлагающую по умеренной цене билет в Страну чудес.

– Неплохая идея.

– М-м-м… цветы все же нужны.

Я вернулась к входной двери, достала из сумки планшет, карандаш и прислушалась к себе – где-то там внутри здорово чесалось столь опасное вдохновение… Александр Сергеевич, мне сейчас совершенно не до вас, уж извините за прямоту.

Острое желание немедленно сделать несколько набросков подтолкнуло меня в сторону одной из комнат – самой маленькой (понятие «маленькая» в этой квартире весьма относительно), с видом из окна на уютный дворик. Здесь лучше всего сделать спальню. Встал утром, потянулся, взглянул на заснеженные деревья и скамейки (или на зеленую газонную траву), почувствовал себя бодро и – вперед на кухню за чашкой ароматного кофе!

– Здесь лучше всего сделать спальню! – крикнула я, остановившись в центре комнаты. Карандаш крутанулся в пальцах и забегал по листу бумаги.

Акцент на окно – ткань из коллекции «Сахара»… и широкая лента с дымчатыми прожилками из коллекции «Приват».

Обои жесткие и шершавые, но теплого цвета – французские.

Свет лучше направить на…

– Да, здесь будет спальня, – раздался за моей спиной вкрадчивый голос Александра Сергеевича Листопадова.

От неожиданности я вздрогнула и чуть было не уронила карандаш. Ой!

Ну и зачем так подкрадываться?

На цыпочках он, что ли, шел?

Моему вдохновению, можно сказать, дали подзатыльник, но, боясь сбиться с необходимого настроя, оборачиваться я не стала. Пальцы вновь сжали карандаш, и через пару секунд на бумаге появился широкий прямоугольник, который еще бы через пару секунд превратился в кровать, но, увы, этому не суждено было случиться.

Ухо (мое маленькое миленькое ушко) обожгло дыхание Листопадова. Я и не предполагала, что он подкрался настолько близко! Я и не предполагала, что он настолько охоч… тьфу!.. горяч!.. тьфу! Бесцеремонен, самодоволен и жаден!!!

– Наташа…

Его руки окольцевали меня в момент, его бедра (или как там называется эта часть тела?) прижались к моему заду, мыски его тапок уперлись в мои пятки. Нет, ну я считаю, после такого порядочные мужчины женятся!

Справка

Мое отношение к происходящему

Я уверена, что двадцать шесть мелких конопушек, почти тридцать лет обитающих на моей переносице, сейчас гневно подпрыгивают, наскакивая друг на друга.

Куда катится мир?! Куда катится мир – я вас спрашиваю? Стоит произнести слово «спальня» наедине с мужчиной, как он тут же начинает расстегивать ширинку и стягивать штаны! Хорошо, что он не видел нарисованный мною прямоугольник (не успел, ибо его снедал приступ страсти), а куда бы гражданина Листопадова занесло тогда? Хотя дальше некуда…

Дурак.

Мне никогда не нравился примитивизм – он меня морщит и дробит на одинаково маленькие кусочки раздражения. А то, что сейчас происходило за моей спиной (я-то к этому никакого отношения не имею), было настолько безвкусным, безжизненным и нелепым, что хотелось просто сказать: «Да успокойтесь вы уже, Александр Сергеевич, вы мне не нужны даже в качестве музейного экспоната».

Резко развернувшись, я оттолкнула от себя Листопадова и шмякнула его по брюнетистой башке планшетом (жаль, планшет не формата А3 и даже не А4, и вообще жаль, что под рукой нет ни одного кирпича). Теперь пришел черед вздрогнуть Александру Сергеевичу.

– Наташа, вы меня не так поняли… в любом случае – извините…

Раскаяния на его лице не читалось, зато разочарование проявилось в каждой морщинке вокруг глаз и на лбу.

Размечтался, разбежался!

Вот уж никогда не думала, что моя работа и опасна и трудна.

– Лучше молчите, а то я опять тресну вас по голове, – многообещающе прошипела я, одернула кофточку и решительно направилась к выходу. В душе моей поднималась запоздалая буря, но направлена она, как ни странно, была не на резко погрустневшего Листопадова, а на Андрея Юрьевича Бондаренко – моего босса, который должен был знать о пагубной прыти бывшего одноклассника. – Не провожайте меня, не надо! – грозно выпалила я, срывая с вешалки плащ.

– Наташа, я не хотел вас обидеть… не удержался, простите… давайте забудем и попробуем еще раз…

– Еще раз? – переспросила я. – Давайте! Значит, я сейчас встану к вам спиной, начну рисовать, а вы, пожалуйста, медленно подходите сзади и, если почувствуете легкое недомогание в области паха, сразу начинайте глубоко и ритмично дышать, как беременная женщина во время схваток – вдох, тужимся, выдох! И отходите в сторону, потому что я за себя не ручаюсь!

Дверью я хлопнула так, что гламурный звонок издал жалостливый писк.

Ну, Андрей Юрьевич, погоди!

* * *

Пересекая клиентский зал, я оттачивала убийственные фразы. «Какого черта!», «А из вас бы вышла отличная сваха!», «А за сводничество есть статья в Уголовном кодексе?».

Кивая администратору Олечке, я уже возводила к потолку пирамиду требований. «Повышение заработной платы в два раза!», «Повышение бонуса с каждого проекта на сорок процентов!», «Стеклянную ванну с двумя подголовниками, прибывшую на прошлой недели из Милана для спа-салона, я забираю себе!», «И папирус с красно-коричневыми иероглифами тоже!».

Сворачивая к кабинету Бондаренко, я чувствовала, как растут клыки… Настоящие. Вампирские. Три с половиной сантиметра в длину и один в ширину.

Здравствуйте, Андрей Юрьевич. Сколько еще ваших бывших одноклассников скучают без женского тепла в своих необустроенных многокомнатных квартирах? Сколько из них окончательно и бесповоротно теряют разум при слове «спальня»? Скольким ни в коем случае нельзя показывать нарисованный прямоугольник, обозначающий двуспальную кровать?

Пожалуй, ванной и папирусом вы не отделаетесь…

Хлоп! – это я закрыла за собой дверь.

Андрей Юрьевич оторвался от ноутбука и вопросительно посмотрел на меня. О, если бы его правая рука не вздрогнула на «мышке», если бы его левая щека не дернулась, точно ее пробило током, если бы крылья носа не раздулись в паруса, я бы ни за что не подумала, будто он догадывается о цели моего визита. Александр Сергеевич Листопадов, видимо, поторопился позвонить и объяснить «маленькое недоразумение».

Я села на стул рядом с Бондаренко, закинула ногу на ногу и молча уставилась на него, старательно нагнетая атмосферу. Наверное, мои серые глаза метали ярко-оранжевые молнии, потому что Андрей Юрьевич сдался довольно быстро.

– Это недоразумение, – спокойно произнес он.

– Маленькое недоразумение, – дополнила я, улыбаясь и демонстрируя вампирские клыки.

Кто бы сомневался, что наглое домогательство не будет интерпретировано как-то иначе! Чуть-чуть подкрался, совсем несильно обнял, случайно прижался и… бац! Ничего не получилось! Облом! А чего не было, то и не считается. Так?

Не-а. Я против.

– Наташа, он мне позвонил… он сожалеет… он даже не успел толком объяснить тебе и извиниться… Я же не думал… – На лбу Андрея Юрьевича выступили маленькие капельки пота. – Саша хотел обустроить квартиру и… Да в общем-то он нормальный парень… любитель женщин, но без всяких завихрений.

Бондаренко резко встал с директорского кресла и сделал марш-бросок к окну, видимо, в данную минуту ему не хватало воздуха и света, а может, его беспокоили мои вампирские клыки, с которых на дорогущий паркет капала кровь предыдущих жертв.

Я тоже встала и, не отказывая себе ни в чем, направилась следом. Остановившись за шаг до обожаемого босса, я посмотрела ему в глаза и на удивление спокойно и даже тихо спросила:

– А могу я к вам прижаться? Я тоже нормальная и без завихрений. Почти без завихрений… Потом, наверное, я тоже буду сожалеть, но сейчас мне безумно хочется прижаться к вам… – Я сделала тот самый последний шаг и положила ладони на грудь Андрея Юрьевича. Выражение его лица сказало о многом… уверена, он уже мечтал выпрыгнуть из окна. – И я вам тоже все объясню… потом… и тоже извинюсь… – Я чуть помедлила, прикидывая, обнаглеть или не стоит, и расстегнула верхнюю пуговицу его нежно-голубой рубашки… – даже два раза извинюсь… или три…

– Амелина! – взревел Бондаренко, не выдержав моего убийственного голоса и не менее убийственных действий. – Ты в своем уме?! – Резко отстранив меня, он решительно вернулся в кресло, придвинулся к столу и сложил руки перед собой, точно первоклассник-отличник. – Хватит! Давай поговорим серьезно.

– Ладно, – кивнула я и тоже вернулась на свое место. – Вы хотите сказать, что не знали…

– Не знал, – быстро перебил меня Андрей Юрьевич.

– Я даже наброски сделать не успела, а он…

– Негодяй.

– Точно. И это еще мягко сказано.

– Через меня он приносит свои извинения.

– Может, вернемся к окну? – мило поинтересовалась я, намекая на то, что банальное «прости» вряд ли меня утешит. Я вообще-то всем могу разболтать о случившемся. «У Бондаренко друг маньяк?» – «Ага!»

– Наташа… – Андрей Юрьевич нервно провел пятерней по коротко стриженным светлым волосам. – Поверишь ты или нет, – тон его голоса стал привычно официальным, – но мне стыдно за этого… хм… Обещаю, следующий крупный заказ будет твоим, а Листопадовым займется кто-нибудь другой.

– Пусть им займется Уточкина, – мстительно выдвинула я первое требование.

– Э-э-э… – Мой босс поджал губы, а затем, проанализировав мое предложение, охотно согласился: – Хорошо.

Анжелика Уточкина не слишком хороший дизайнер, но девушка весьма старательная и исполнительная. Ее внешность наверняка понравится господину Листопадову. Рост – два метра, вес – восемьдесят килограммов, сорок второй размер ноги и ряд неискоренимых привычек, от которых сладко не будет: чешет нос, когда думает, облизывается, когда занимается выбором цвета, и крякает,

когда довольна результатом. Еще она курит крепкие сигареты, обожает блюда с чесноком и арбузный парфюм. А еще она племянница подруги мамы Андрея Юрьевича, в связи с чем он тяжело вздыхает и мирится со столь колоритной и малополезной персоной в своей студии.

– Мне нужны два дня отпуска – завтра и послезавтра, – продолжила я наглеть.

– Нет, – Бондаренко покачал головой и торопливо застегнул пуговицу рубашки, на которой после отказа сразу сфокусировался мой взгляд.

Если честно, взрывоопасный настрой резко пошел на убыль, вероятно, удачная идея с Уточкиной осчастливила меня по полной программе. Фиг с ней – с ванной, фиг и с папирусом. Представляю лицо Листопадова, когда он откроет дверь и увидит своего нового дизайнера. Анжелика, не забудь про чеснок!

Сейчас мне больше всего хотелось поболтать с Середой – это окончательно меня успокоит. И потом, он лучше всех на свете умеет готовить быстрорастворимый кофе в пластиковом стаканчике, а от горьковатого ароматного наслаждения я бы сейчас не отказалась.

– Ну и не надо. – Я пожала плечами, еще раз многозначительно посмотрела в сторону окна и встала. – И следующий крупный заказ будет мой.

– Да.

У Середы тоже есть личный кабинет – малюсенький, заваленный рулонами бумаги, баллончиками и тюбиками с краской, карандашами, мелками, какими-то непонятными штуками, напоминающими лекала, обрывками ткани и прочей ерундой. И над этим многоярусным бардаком он отчаянно трясется – уборщице категорически не позволено переступать порог комнатенки великого художника. На подоконнике стоит запрещенный пожарной службой чайник, обклеенная мелкими декоративными камушками обыкновенная банка с сахарным песком и банка с гранулами кофе. Когда Лёне лень идти к кофемашине, он готовит кофе, не отходя от мольберта (так я называю его стол-трансформер, который умеет принимать такие причудливые формы, что иногда даже становится страшно). Хороший кабинет для хорошего парня.

– Середа, буквально час назад меня возжелал мужчина, – торжественно произнесла я, забираясь на подоконник.

– Он жив? – закладывая огрызок карандаша за ухо, поинтересовался он.

– Жив, – улыбнулась я.

– Только не говори, что это наша «крупная рыба».

– Увы. Столько планов, и все мимо… А я-то надеялась…

Протянув руку, Середа нажал на кнопку чайника и крутанул табурет в мою сторону.

– Выкладывай подробности, – сказал он, и я заметила в его глазах особый блеск, суливший мне хорошие вести.

Он что-то знает. И это каким-то образом касается меня.

Играя по давно принятым правилам, я в красках выложила историю встречи с Листопадовым, затем перешла на разговор с Бондаренко и замолчала, надеясь получить и свою порцию сплетен-новостей.

– Ты не забыла? У нас на данном этапе два крупных проекта…

В комнатенке запахло кофе, я сделала глубокий вдох, встретилась взглядом с Середой и закусила нижнюю губу.

Точно! У нас два крупных проекта. Ну я и балда! Уточкину с ее арбузно-чесночным запахом из уравнения необходимо убрать. Мне просто нужно поменяться с Бережковым заказами, и жизнь вновь засияет радужными красками… Еще не все потеряно!

Соскочив с подоконника, я полетела к двери.

– Стой! – воскликнул Середа, хватая меня за локоть.

– Я к Бондаренко!

– Подожди… – Он отпустил мою руку, протянул стаканчик с кофе и лениво сел на табурет. – Пей и слушай.

И я послушно развесила опаленные дыханием Листопадова уши и принялась слушать. Картина вырисовывалась заманчиво-преотличная, но… но если еще вчера я думала, будто мне доверили крупное дело (ура таланту!), то теперь я понимала, что на меня попросту свалили пусть и объемную, но рутинную работу (авось она со своим характером разберется с Сашкой Листопадовым). Пятикомнатные хоромы на проспекте Мира – это здорово, но на другой чаше весов покоились куда более щедрые перспективы… И эти перспективы почему-то достались не мне. А Бережкову. Цепкому карьеристу и подлизе!

Иными словами, меня грамотно отвели в сторону – от греха подальше, чтобы не путалась под ногами…

Нет, я ни за что не уступлю. Это принципиальный вопрос. Я столько ждала, столько мечтала, столько надеялась. Бондаренко миллион раз обещал мне стоящее дело, а сам… Еще вчера я была на седьмом небе от счастья…

– У него дом за городом?

– Да, пятнадцать километров от МКАД. Особняк – правое крыло, левое крыло, лестницы, колонны, залы, большие и маленькие комнаты… Дмитрий Сергеевич Кондрашов. Это имя тебе ни о чем не говорит? – Середа поскреб небритую щеку и приподнял правую бровь. – Ну же?

– Э-э-э… – протянула я и честно добавила: – Нет.

– Недвижимость. Он покупает землю, дома, он строит, обновляет и так далее. Кондрашов один из самых успешных бизнесменов на данный момент – трудоголик до мозга костей. Пару раз он мелькал в прессе, однажды я видел его по телику в передаче для зануд.

– И чего он хочет? – нетерпеливо перебила я.

– Кажется, речь идет о частичном преображении его жилплощади.

Допив кофе, отправив пустой стаканчик в мусорную корзину, я посмотрела на довольного собой Середу и весомо выдохнула:

– Спасибо, друг.

– Ерунда, – усмехнулся он и вновь взялся за карандаш. – Не упусти шанс, Наташка.

– Ни за что, – твердо ответила я.

Пятнадцать минут, проведенные в Интернете, лишь закрепили мою решимость. Я давно мечтала о таком проекте, давно клянчила что-то очень серьезное и важное, но Бондаренко всегда ловко уводил меня в сторону. Вот и сейчас, зная о моих наполеоновских планах на творческо-профессиональную жизнь, он устранил меня при помощи Листопадова. Пусть, мол, занимается пятикомнатной квартирой в новостройке и думает, будто ей здорово повезло. И не высовывается. И не гремит своими идеями. И не задает кучу вопросов.

Ясненько… Андрей Юрьевич мне, как всегда, не доверяет…

Статьи в Интернете я целиком читать не стала – и так было ясно, что речь идет не о «крупной рыбе», а о самой настоящей Акуле. Фотографий Кондрашова имелось мало, крупный план вообще отсутствовал, и пришлось довольствоваться снимками под названием «третий слева», «шестой во втором ряду» и тому подобное. Но внешность этого расторопного бизнесмена сейчас меня волновала меньше всего (хватит с меня мужчин на сегодня…). Мне хотелось увидеть дом. Хоть уголочек дома! Хоть ступеньку или край крыши! Но, увы, увы, увы…

К Бондаренко я отправилась абсолютно спокойная. Знаете, я вот считаю, что помимо награды за все мои старания (на протяжении о-го-го скольких лет), которые принесли «Ла-Пэкс» верную прибыль, мне еще полагается компенсация за моральный ущерб – денек выдался не из легких!

Андрей Юрьевич, завидев меня, погрустнел.

А что так?

Нездоровится?

Несчастный, он наивно полагал, что благополучно от меня отделался, но не тут-то было…

Я села на тот же стул. Поближе к боссу. И заглянула в его мудрые глаза.

– Я тебя внимательно слушаю, – тяжело вздохнул Андрей Юрьевич и подпер щеку кулаком.

Очень я люблю теплые душевные беседы, способствующие сближению, укрепляющие взаимопонимание и пролонгирующие доверительные отношения.

– Отберите проект у Бережкова и отдайте его мне. А ему всучите мой. А Уточкина пусть и дальше шлифует «однушки».

Справка

Как довести человека до нервного срыва?

Во-первых, нужно почаще о себе напоминать. Тук-тук! Кто там? Не теряйте связь с выбранным объектом, не давайте ему возможности забыть вас, не давайте ему возможности подумать, что жизнь наладилась, что теперь-то уж точно все будет хорошо… Не будет! Ибо на свете есть вы!

Во-вторых, не отступайте и не сдавайтесь! Если нужно, трубите в горн и бейте в барабаны – хуже не будет. Вернее, будет, но не вам.

В-третьих, обязательно пообещайте приходить во снах минимум три раза в неделю – в кошмарных снах. В белом платье, босиком, с метлой в руке и бусами из высушенных куриных голов на шее.

В-четвертых, при случае прикоснитесь к объекту – если вздрогнет, значит, он ваш, если никакой вибрации не наблюдается – не отпускайте, пока не попросит пощады.

В-пятых, скажите, что пошутили, и засмейтесь тем смехом, от которого стынет кровь, седеют волосы и выпадают зубы.

В-шестых… будьте милосердны. Это обычно добивает.

У Андрея Юрьевича явно случился перегруз эмоций – давно мы так часто не общались. Его брови подскочили на лоб, а уголки губ, наоборот, опустились (но, несмотря на это, он все равно продолжал оставаться симпатичным мужчиной сорока лет… может, мне за ним все же поухаживать?.. но выдержит ли его сердце?..).

– Наташа… – Бондаренко кашлянул и покачал головой. – Пожалуйста, иди на свое рабочее место. Если мне не изменяет память, твои долги по отчетности перевалили все мыслимые пределы. Бухгалтерия уже давно считает тебя врагом номер один…

– Они просили у вас мой скальп? – перебила я заговорщицким тоном. – Нет? Ну, тогда не стоит пока возводить мои долги в ранг трагичных, давайте вернемся к цели моего визита.

– Наташа, я очень хорошо отношусь и к тебе, и к твоему таланту…

– …но доверить заказ Кондрашова не могу. Так?

– Так.

Андрей Юрьевич поморщился. Да, представьте себе, я знаю подробности и именно поэтому выйду из вашего кабинета только победителем.

– Вы обещали. Сто раз обещали крупный проект. А сами же по-быстренькому всучили мне своего бывшего одноклассника! Который…

– Кажется, мы об этом уже поговорили.

– С вами – да, но я еще не обсудила это со всем коллективом «Ла-Пэкс».

– Кондрашов – серьезный человек, – резко ответил на мой наглый шантаж Андрей Юрьевич, – и это слишком большая ответственность, чтобы я ее доверил… – он осекся, и наши глаза встретились.

Слишком большая ответственность, чтобы доверить ее мне?

Я медленно поднялась со стула и с чувством произнесла:

– В глубине души вы знаете, что я справлюсь, и в глубине души вы знаете, что я заслужила этот проект, но…

– Сядь!

Понимая, как нелегко гражданину Бондаренко слушать правду, я вновь плюхнулась на стул.

– Пойми, это слишком серьезное дело…

Я поджала губы.

– …Кондрашов не тот человек с которым можно обсуждать цвет обоев в игровой форме…

Я принялась внимательно изучать прямолинейный рисунок паркета.

– …да, ты давно работаешь и уже готова к чему-то весомому…

Я согласно кивнула.

– …но ответственность слишком велика.

Я подняла глаза и пробуравила Андрея Юрьевича укоризненным взглядом.

– …хорошо, – он откинулся на спинку кресла, – ты будешь вести этот проект вместе с Бережковым.

Ну вот еще! С какой стати!

– …и не нужно на меня так смотреть!

– Я не могу вести с ним этот проект… (А ну-ка, щеки, порозовейте немедленно!) Бережков… он… м-м-м… ну как бы это сказать…. м-м-м… он тоже ко мне неравнодушен… и… существует большая вероятность того…

– Наташа!

– Андрей Юрьевич, честное слово, вы не пожалеете! Доверьте мне этот чертов проект! – Мой голос взлетел к потолку и рухнул на Бондаренко.

С минуту он молчал, внимательно изучая меня (лучше бы он изучал мои дипломы и портфолио), а затем провел ладонью по лицу, будто стер вселенскую усталость, и сказал:

– Амелина, делай что хочешь.

И это была победа! О, какая это была победа! Самая лучшая! Самая настоящая!

Не отказывая себе в удовольствии, я бросилась с объятиями к Андрею Юрьевичу и с обожанием поцеловала его в гладковыбритую щеку.

– Вы не пожалеете!

– Пожалею…

– Вы будете мной гордиться!

– Не буду…

– Потом вы пожмете мне руку и увеличите заработную плату!

– Вряд ли…

– Вы сами прибьете мой портрет на доску почета!

– У нас нет доски почета…

– Никогда не поздно ее повесить!

– Амелина!

Я очнулась и поняла, что уж слишком злоупотребляю добротой и растерянностью своего босса. Я практически сидела у него на коленях, мучая объятиями, непрерывно целуя в щеку (щека была замусолена уже прилично…).

Самое время сматываться.

– Извините, – развела я руками и припустила к двери. – А с Бережковым вы сами разберетесь, да? – невинно поинтересовалась я, притормаживая около ряда одинаково стильных стульев.

– Сам, – буркнул Бондаренко и нарочно уткнулся в бумаги. Он был смущен и, скорее всего, злился и на меня, и на себя.

– Андрей Юрьевич, – не удержалась я от маленькой заключительной шалости, – до чего же вы милый! До чего же милый!

– И чтобы бухгалтерия на тебя больше не жаловалась!!! – понесся мне вслед львиный рык.

Глава 3

Вопрос на засыпку: В чем прелесть второй попытки?

Ответ: В два раза больше веры, в два раза больше надежды и, будем надеяться, в два раза меньше проблем. Будем надеяться… да, будем надеяться…

К работе над заказом Кондрашова я готовилась весь день, весь вечер и всю ночь. Толком не зная, какой объем предстоит, я с забытым восторгом перебирала свои старые наброски, рисунки и коротко запротоколированные идеи. В заявке значилось скупое: «Ремонт левого крыла. Благоустройство» – это могло означать что угодно.

Какое у него левое крыло? Размером с футбольное поле или с летнюю беседку?

Как он понимает слова «ремонт» и «благоустройство»? Будем долбить стены или ограничимся новым «живеньким» интерьером?

У людей такое разное представление об этом…

По никогда не подводившей меня привычке я собиралась довериться интуиции и вдохновению и, конечно же, пожеланиям самого Кондрашова, но энергия бурлила через край, и уснула я только в четыре утра (свернувшись калачиком на заваленном фотографиями и бумажками диванчике). Встреча была назначена на двенадцать, и я с легкостью позволила себе подольше поспать.

Пробуждение оказалось приятным, как прохладный сок, тягучим, как сгущенка, и бодрым, как хрустящий тост. Взглянув на часы, я мысленно передала привет боссу и вслух сказала «доброе утро» Дмитрию Сергеевичу Кондрашову (неважно, что он меня не слышит). Уверенность заставляла улыбаться до ушей и заодно подталкивала к зубной щетке и пасте. Такое чувство, будто я начинаю новую жизнь именно сегодня! Я встала на ступеньку выше – я справлюсь, и Бондаренко действительно начнет мной гордиться, и даже Лариса Витальевна вынужденно признает мой талант! И следующий крупный заказ достанется мне автоматически.

Подбирая одежду для первой встречи с Кондрашовым, я решила сделать акцент на своей неземной сексуальности. Нет, вовсе не для того, чтобы покрасоваться и усыпить его бдительность (Акулы, полагаю, вообще не спят), а просто в таком образе я чувствую себя особенно комфортно. Да и кто знает, в чем принято ходить по бесконечным залам особняка?

Ругаясь на приближающуюся зиму, я надела зауженную юбку мини и тонкую белую кофту стретч с глубоким вырезом (уж извините, Андрей Юрьевич, знаю, вам вряд ли понравился бы наряд…). Ярко-оранжевый шарфик, высокие сапоги и короткое бежевое пальто утеплили и подчеркнули мою красоту. Я бы сейчас с удовольствием дотопала до МКАД пешком, а там бы еще плюс пятнадцать километров, но, увы, это нереально, так что пришлось смахивать снег со своего Мышонка и садиться за руль.

Насмотревшись голливудских фильмов, где главная героиня отправляется на встречу с главным героем, и в один прекрасный момент расступаются деревья, и ее взору предстает сногсшибательный дом, я ожидала чего-то подобного, но за последним поворотом маячил самый обыкновенный коттеджный поселок.

Меня это ничуть не огорчило, с болезненной настойчивостью я продолжала предвкушать волшебную работу.

Около бело-красного шлагбаума, преграждающего дорогу, я остановилась и подождала, когда ко мне подойдет представитель охраны. Пухлый коренастый мужичок в куртке с желтой эмблемой на груди и рукаве критически оглядел машину и нараспев поинтересовался:

– Куда направляемся? К кому приехали?

– Здравствуйте, – вежливо поприветствовала я и отрапортовала: – К Кондрашову – дом сто тринадцатый.

Только в этот момент я задумалась о том, что номер дома содержит в себе несчастливое число тринадцать, и неприятный ветерок сомнения первый раз скользнул по душе.

Охранник вынул из глубокого кармана скрученную рулончиком тетрадь, неторопливо расправил ее и стал листать страницы.

– Дизайн-студия «Ла-Пэкс», – на всякий случай добавила я.

– Ага, есть. – Он махнул рукой в сторону невысокой будки (видимо, напарнику), и шлагбаум пополз вверх.

– А не подскажете, где этот дом?

– До самого конца поезжайте. И берите правее – он последний.

Мой Мышонок послушно потрусил на «край деревни».

Дома в поселке в основном были однотипные: бетон, кирпич, большие окна, балконы, бордовая черепица. Однообразие навевало скуку, которая проклюнулась во мне уже через сотню метров. Ну где полет фантазии? Где индивидуальность хозяев? Где? Хотя некоторым товарищам лучше волю не давать…

Свернув направо, добравшись практически до края, я завертела головой, отыскивая нужную мне табличку. Сто девятый, сто одиннадцатый, на другой стороне – сто двенадцатый… хм…

Кондрашов Дмитрий Сергеевич, ау-у-у!!!

Нужного мне дома не было.

Ни справа, ни слева.

Пожав плечами, я выбралась из машины и… и скоропостижно обалдела. То есть мой мозг остановил свою деятельность и, издав испуганное: «Мамочка…», затих. Сердце захлебнулось ритмом и пискнуло, точно мышонок, которого застукали на кухне с желтым куском сладковатого сыра. Нервная система потеряла всякие ориентиры – я глупо вытаращила глаза, надеясь, что этот мираж никогда не растает.

Дом Кондрашова стоял в отдалении прямо передо мной. Частично его прикрывали голые деревца, частично маскировала серая краска стен. Я не видела номера, но четкая уверенность – это он, и только он – разом вскружила голову.

– Мамочка, – выдохнула я, измеряя взглядом длиннющий особняк. – Вот это да-а-а…

И в моем полном распоряжении левое крыло…

Мамочка!!!

Левое крыло! Мое!

Первый раз в жизни я видела такую сказку, первый раз… Дело не в том, что он был огромный, но он являлся чем-то особенным, необыкновенным. Узкий, длинный, таинственный, монолитный.

Вы боитесь привидений?

Они наверняка там есть…

Я села в машину и рванула с места, и уж дальше все пошло по сценарию голливудского фильма – деревья расступились, и на меня навалилась грозная красота великолепного дома Кондрашова.

– Вау! – крикнула я, крепче сжимая руль. – Ва-а-у-у!

Мечты могут стать реальностью, скажу я вам, главное – очень сильно захотеть!

* * *

Этот дом просто обязан хранить в себе множество тайн.

И внутри он должен напоминать шумный, жужжащий улей. Куча детей от грудничкового возраста и до отрочества; мамки-няньки с носовыми платками, слюнявчиками, погремушками, атласами и заумными книжками по психологии; сдержанные дедульки с курительными трубками, бородками и супом-пюре в тарелках; ворчливые и добрые бабушки с вязаньем, подагрой и пучками бесценных советов; помощники с тряпочками, щеточками и тихо-крикливым «Да сколько же можно здесь ходить!»; двоюродные братья и сестры, дяди, тети и седьмая вода на киселе – все должны находиться в постоянном движении, все должны наполнять этот дом суетной жизнью. Это только с виду он строгий и напыщенный, а внутри он теплый, уютный, семейный. И все его любят: каждую

ступеньку, каждый угол, каждый закуток…

Не-а, этот дом внутри не такой. Если присмотреться повнимательней, то можно заметить, что крыша у него несколько тяжеловата – она словно бы излишне печется об обитателях дома, старается защитить от мыслимых и немыслимых невзгод. Наверное, в этих комнатах живут в основном женщины, девушки и смешливые сопливые девчонки – свой мир: трогательный, застенчивый, милый…

Не-а… в этом доме тонко пахнет цветами, типографской краской и круассанами. Кругом белые чехлы, напольные вазы и желтый свет. Люстры как созвездие одинаковых капель, полы как приглашение к танцу (раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три…), диваны и кресла как любимые домашние животные, которые льнут к ногам и греют при первой же возможности…

– Добрый день. Вы – Наталья Амелина.

Он не спрашивал, он озвучивал реальность, он отодвигал мои фантазии в сторону и давал шанс получить входной билет.

Передо мной стоял стройный, подтянутый мужчина, возраст которого был смыт дождевым октябрем, запорошен снежным январем, перечеркнут обманчивым апрелем и выжжен до пепла горячим песочным июлем. То есть возраст у него категорически отсутствовал, уверена, у него и в паспорте в строке «Дата рождения» вместо цифр зияет дырка от бублика.

Седины нет, но вокруг глаз рассыпаны мелкие морщинки.

Волосы темные, даже густые, но навязчиво присутствуют залысины.

Глаза яркие карие, но как же много плавает в них… точно произошло кораблекрушение и на поверхности воды остались сундуки, бочки, спасательные круги, обломки досок…

Это не Кондрашов. Пусть я и разглядела его на фотографиях плохо, но это не Кондрашов.

– Добрый день. Да, я – Наталья Амелина, дизайнер студии «Ла-Пэкс».

– Проходите, пожалуйста, меня зовут Герман, я – личный помощник Дмитрия Сергеевича.

И хотя к этому мужчине все же должно было прилагаться отчество, я настаивать не стала.

Герман – имя ему жутко подходило и являлось настолько емким и значимым, что психологический барьер первого знакомства я перешагнула с такой же легкостью и любопытством, как и порог дома Дмитрия Сергеевича Кондрашова.

Я ждала… секунд тридцать ждала появления мамок-нянек, детей, бабулек и дедулек, но в просторный холл никто не вошел, и звенящая тишина не была нарушена ни детским визгом, ни ворчанием, ни чем бы то ни было еще. Дом, точно насторожившийся пес, хранил молчание.

О семье Кондрашова я не знала ровным счетом ничего, но представить себе, будто он живет в этих хоромах совершенно один, не могла. Наверное, все разъехались по делам или отдыхают…

– Позвольте ваше пальто.

Я сняла пальто, и его тут же проглотил пузатый шкаф, я сняла сапоги, и их тут же проглотила пузатая тумба, я сунула ноги в предложенные тапочки (которые назвать тапочками можно было с большой натяжкой – мягкие теплые матерчатые туфли с кожаным мысочком и маленьким двухсантиметровым каблучком) и наконец-то вдохнула полной грудью воздух этого невероятного особняка. В мои легкие влетели аромат лаковых дубовых дверей; волнение коротких штор цвета бургундского вина; робость одинаковых бело-бордовых фиалок, рядком стоящих на узком подоконнике; уверенность тучного дивана, не смягченного ни одним валиком; динь-динь хрустальных капелек люстры и молчание дорогущего глянцевого янтарно-кофейного паркета. Дом оправдал мои ожидания, и даже более того – он, расслабившись, не видя пока с моей стороны угрозы, позволил прикоснуться к скрытым струнам его серьезно-усталой души. А мне только этого и нужно было…

Пожалуй, в свое время здесь поработала целая бригада первоклассных дизайнеров. Пространство не сжато, наоборот, открыто и доступно. Каждая вещичка с гордостью занимает свое место, каждый штришок неуловим и ярок

одновременно. Зачем Дмитрию Сергеевичу Кондрашову что-то менять? Хотя я пока не видела левого крыла… есть же вероятность того, что безвкусица проклюнулась в отдельно взятом крыле – пустила корни и чувствует себя весьма вольготно.

– Прошу вас, присаживайтесь, – раздался за спиной ровный голос Германа.

Я и не заметила, как оказалась в просторной гостиной – одна комната вливалась в другую (отрицая границы), широкая лестница взлетала вверх, зеркала демонстрировали самые выгодные отражения.

Стоп. Пора захлопнуть раскрытый от удивления рот и вернуться на грешную землю, а точнее, на янтарно-кофейный паркет и перейти к делу!

– Спасибо, – кивнув, ответила я и устроилась в бархатистом кресле. Сначала лучше поболтать, войти в курс дела, а уж потом приступить к детальной экскурсии.

– Кофе, чай, печенье? Может, вы голодны?

Определенно он мне нравится…

– Нет, спасибо.

Герман сел напротив и положил на колени непонятно откуда взявшийся блокнот.

– Как вы уже знаете, Дмитрий Сергеевич хочет привести в порядок левое крыло дома. По его мнению, оно несколько… м-м… мрачноватое. Нужно оживить обстановку. Речь не идет о глобальных изменениях – никаких лишних перегородок! – Герман поднял указательный палец правой руки вверх. – И беспокоить стены тоже не нужно.

– Дмитрий Сергеевич просто хочет обновить интерьер?

– Да.

– Отлично. Мое самое любимое занятие – менять интерьер. – Я улыбнулась до ушей, но лицо Германа осталось неподвижно.

Ну да… какие могут быть улыбочки, когда мы говорим о столь важных вещах…

Ну да…

Я прислушалась – дом по-прежнему хранил молчание.

Но где же люди?

И главный вопрос – где Дмитрий Сергеевич Кондрашов?! Общение с Германом – это мило, это здорово, но я собираюсь обрушить вдохновение не на его жилплощадь, и за работу платить мне тоже будет не он.

– Вы точно не хотите чай или кофе?

– Точно, но я очень хочу поговорить с Дмитрием Сергеевичем. Нам необходимо обсудить детали, цветовую гамму… Где он?

Герман секунду смотрел на меня пристально, затем кинул взгляд на наручные часы и бесцветно сообщил:

– В данный момент он находится на объекте.

– А где этот объект?

– В Прокшино.

Прекрасно. Я здесь, а он – черт-те где! А потом Бондаренко скажет, что я не учла пожеланий клиента, что Кондрашов мечтал не о белых обоях в голубую полосочку, а о бирюзовых в желтую крапинку! Спокойствие, только спокойствие – сегодня у меня всего лишь ознакомительный визит, а вот завтра…

– Ну что ж, – нарочито бодро произнесла я, – давайте осмотрим левое крыло.

Герман все время пропускал меня вперед и при этом умудрялся незаметно уху и глазу указывать дорогу. На миг мне даже показалось, будто он и есть самое главное привидение этого дома. Надо посмотреть – отбрасывает ли он тень?

Каминный зал, гостевые комнаты, короткие и длинные коридоры, углы, обивка, люстры радовали мое дизайнерское сердце и доводили его до чесоточного любопытства: представить себе, что здесь есть квадратные метры, которые требуют корректировки, я не могла. Все было слишком хорошо, слишком приятно. Я уже давно не перешагивала порог дома, который бы мне настолько нравился. Только тишина, перемешанная с тиканьем часов (а они попадались практически на каждом шагу), вызывала недоумение. Эй, мамки-няньки, эй, детвора, где вы?! Ау!

Левое крыло встретило нас классическим благородным серым цветом, двумя оттенками зеленого, четкими линиями белого, коричневого и оранжево-бежевыми кляксами витражей и бра.

Красиво. Но в этих комнатах никто не живет – диагноз, который я всегда ставлю без ошибок.

Герман обвел взглядом роскошь Кондрашова и многозначительно произнес:

– Мы на вас очень надеемся.

Неплохо для начала, но душа, знаете ли, требует конкретики.

– Значит, вас не устраивает цвет? – Я вынула из сумки планшет и карандаш.

Герман тут же распахнул свой блокнот и вооружился ручкой.

– Да.

– Дмитрий Сергеевич хочет изменить цвет таким образом, чтобы мебель осталась? Или диваны и кресла тоже будем менять? – я прошла в смежную комнату, заглянула в еще один каминный зал и обернулась.

Герман, следовавший за мной, притормозил и задумчиво сдвинул брови:

– Пожалуй, мы бы сначала послушали ваши предложения, а затем приняли решение.

Как вам нравится эта фраза? У меня – полный восторг!

Они бы сначала послушали.

А затем они бы приняли решение.

Они! Понимаете?!

А где эти они – я вас спрашиваю?!

И вообще у меня такое чувство, будто что-то не так… Не хватает, ну не хватает одного малюсенького пазлика в картинке… Не мрачно в левом крыле, совсем не мрачно.

– Здесь пока никто не живет, я правильно понимаю?

– Да, но скоро будут жить.

– Отлично. Вы мне скажете кто? – Я вернулась в первую комнату и принялась за набросок. Сначала я хотела нарисовать уже имеющуюся картину (не люблю фотографировать), а уж потом взяться за перемены. Андрей Юрьевич, я обещала, что вы станете мной гордиться – вот увидите, так и будет. Лариса Витальевна, ваша ненависть придает мне силы! Середа, привет!

Тэкс… Цвет… цвет поменять не трудно, но многое зависит от того, кто здесь будет жить. И от того, чего именно желает Кондрашов (пока я еще верю, что узнаю об этом).

– Здесь будет жить родственница Дмитрия Сергеевича.

– Сколько ей лет?

– Около тридцати.

– Как насчет персикового с коричневым? Тогда можно оставить мебель. Витражи и бра тоже будут кстати. Эти шторы уберем, они слишком тяжелы и перебор с зеленым. Спальню нужно сделать мягче – то, что мы имеем, скорее подошло бы серьезному джентльмену – нет зоны для побрякушек и косметических процедур, шкаф очень маленький, нужен в два раза больше. – Я остановила поток слов и внимательно посмотрела на Германа, который записывал каждое мое слово в блокнот. – Вам вовсе не обязательно записывать, позже я представлю свои предложения в письменном виде вместе с чертежами.

– Я не должен ничего забыть, – ответил он, переворачивая лист.

Ну, тогда еще напиши, что мне ни фига не понятно и я пока не представляю, чьим вкусом руководствоваться. Кондрашова? Его родственницы? Или своим? Обычно люди как-то высказывают пожелания, обычно хозяева встречаются с дизайнерами… обычно! Этот заказ для меня безумно важен. Интересно, если я предложу ему перекрасить стены в желтый цвет, он так же запротоколирует и эту безумную идею?

– А Кондрашов женат? – небрежно поинтересовалась я, надеясь на плодотворный разговор с какой-нибудь холеной фифой, обожающей отварную брокколи и Шопена. Пусть он будет женат, ну пожалуйста! И пусть его жена подробненько мне все объяснит.

Рука Германа замерла. Ну наконец-то, а то я уже возомнила себя Фомой Аквинским, мысли которого стоит записывать с особым усердием.

Он поднял голову и посмотрел на меня иначе. Уж не знаю, какая рыба плескалась сейчас в его голове, но только я вдруг вспомнила, что бесконечно хороша, что на мне кофточка в обтяжку и что меня побаивается даже горячо любимый босс.

– Нет, он не женат.

Жаль!

Я мысленно махнула рукой – ну вас в болото, и принялась рисовать каминный зал. Нет сегодня Кондрашова, ну и ладно. Завтра-то он обязательно будет. Не

может же он не пообщаться с дизайнером, планирующим выбросить его дорогущие шторы на задний двор!

– Отличный вид из окна, – похвалила я, поглаживая подоконник. Ни пылинки, ни соринки. Интересно, сколько человек убирают дом? – А завтра Дмитрий Сергеевич сможет со мной встретиться? – Я распахнула створку окна. Холодный воздух дернул меня за челку и пощекотал нос. Удивительно хорошо.

– Нет. Каждый его день расписан по минутам.

Резко развернувшись, я пронзила Германа взглядом. Ну уж нет! Я должна выполнить этот заказ на отлично! И Кондрашов должен найти время для встречи со мной!

– Во сколько он уезжает в офис?

– В восемь часов сорок минут.

– Завтра я приеду к восьми, – нагло сообщила я, вздергивая подбородок.

– Это невозможно, – твердо ответил Герман, и вдруг выражение его лица изменилось (спокойствие сократилось процентов на десять). Глаза опустились, затем поднялись, затем опять опустились, затем опять поднялись.

Он изучал меня. Самым циничным образом изучал.

– Скажите, Наталья, а какое у вас образование? – поинтересовался Герман вежливым тоном.

Так… мне этот вопрос не нравится. Он сомневается в моем профессионализме? Неужели? Тогда его ждет долгая и мучительная смерть на какой-нибудь антресоли.

– Высшее.

– А сколько вам лет?

Обычно дамы на такие вопросы обижаются, чего я никогда не понимала.

– Тридцать.

– А у вас есть вредные привычки?

Он боится, что я испачкаю ковер пеплом или случайно оставлю за диваном початую бутылку водки?

– Нет. Я – само совершенство, – отправив Герману очаровательную улыбку (из старых запасов, так я улыбалась еще до свадьбы), я важно скрестила руки на груди.

– Да… – прищурившись, ответил Герман. – Возможно, Дмитрий Сергеевич найдет время для встречи. Я поговорю с ним и сообщу о его решении по телефону. Пожалуйста, продиктуйте номера ваших телефонов: мобильного и домашнего. – Он вскинул блокнот, почти как вскидывают ружье, и приготовился протоколировать. – И еще один вопрос: вы замужем?

– Нет, – хмыкнула я, не вдаваясь в подробности.

А теперь чего он боится? Что я притащу на жилплощадь Кондрашова своего мужа и детей? И с мольбой попрошу их прописать?..

Я всегда знала, богатство плохо влияет на клетки головного мозга.

– Ваши телефоны? – напомнил Герман, и теперь его голос отливал серебром.

– Записывайте, – вздохнула я, надеясь на скорую встречу с Кондрашовым.

* * *

В студии, около администраторской стойки, меня терпеливо ждал Вячеслав Бережков, некогда получивший от Середы фиолетовое прозвище – Слива. Пару-тройку лет назад этот отутюженный, сдобренный гелем для волос и неизменным ароматом от Hugo Boss субъект предлагал мне «крепкие, надежные и

взаимовыгодные» субботние отношения на квартире его двоюродного брата (братец в весенне-летне-осенний период большую часть выходных проводил на даче). Слива, конечно же, получил отказ, конечно же, оскорбился и, конечно же, как человек, влюбленный исключительно в себя, затаил лютую обиду, брызги от которой временами долетали до моих ушей. Но если раньше ему удавалось сохранять равнодушный вид, то теперь выдержка ему изменила…

– Я жду тебя.

– Везет… у тебя так много свободного времени.

Не останавливаясь, махнув Олечке, я направилась к своему кабинету. Бережков пристроился сзади, и мы с ним, точно вышколенные солдаты, зашагали в ногу.

– Нужно поговорить.

– Валяй.

Но заговорил Вячеслав только после того, как я бросила сумку на тумбочку и плюхнулась в кресло. Чувство вины меня совершенно не беспокоило, и оправдываться я не собиралась.

– Почему Бондаренко отдал заказ Кондрашова тебе?

– Спроси его об этом.

– Спрашивал.

– И?

– Он сказал, что мы должны дать тебе шанс, что пришло время доверить тебе крупный проект.

Андрей Юрьевич, ваши дипломатические способности вызывают у меня искреннее уважение!

– Добавить к этому мне совершенно нечего.

Слива провел рукой по длинным нагеленным волосам (я постаралась не думать о том, что прилипло к его ладони) и нервно забарабанил пальцами по столу.

– Я не верю… это вызывает у меня подозрения… – Его глазки превратились в черные бусинки. – Такой, как ты, ничего доверять нельзя! Это нонсенс!

Кабинет я делю с двумя дизайнерами: смешливой Сашенькой (она только в начале карьерного пути) и мудро-прямолинейной Светланой Аркадьевной. Так вот и та и другая даже шуршать перестали после громкого заявления Сливы. Абсолютно с ними согласна – обнаглел!

И тут у меня зазвонил телефон…

Вынув мобильник из внутреннего кармана сумки, я приложила трубку к уху и, уже догадываясь, кто меня беспокоит, радостно выпалила: «Я вас слушаю!»

– Наталья, это Герман. Дмитрий Сергеевич встретится с вами завтра утром в восемь часов. Пожалуйста, не опаздывайте – это важно. У вас будет пятнадцать минут, чтобы задать вопросы и обсудить изменения…

Да, я говорила, что приеду в восемь, но… но это же восемь часов утра! Я погорячилась. Да, погорячилась. А еще и опаздывать категорически запрещено…

Но рядом сидел Бережков, и начать переговоры на тему «а нельзя ли перенести встречу на день, а то я хочу поспать….» я не могла.

– Да, конечно, договорились.

Закончив беседу, я повернулась к превратившемуся в статую Вячеславу и коротко вздохнула.

– Звонил Кондрашов? – Глаза Сливы полыхнули огнем.

– Да, – соврала я. Почти Кондрашов… – Извини, но мне нужно работать, приятно было поболтать. И… и твои претензии совершенно не по адресу – этот проект

достался мне, потому что так решил Бондаренко, а я только послушный и добросовестный дизайнер, который…

– Что ж, – холодно перебил меня Слива, поднимаясь со стула. – Не буду тебе мешать.

Бережков решительно вышел из кабинета, а я поняла, что враг больше не станет тихо сидеть в подполье – он рванет на передовую.

– Он отомстит, – пискнула Сашенька.

– Заелозил змий проклятый, – фыркнула Светлана Аркадьевна.

Я кивнула и, подперев щеку кулаком, уставилась в монитор. А пусть! Пусть. Я тоже умею партизанить с автоматом Калашникова наперевес. Да и забрасывать противника гранатами «РГД-33» мне не впервой.

Бережков сейчас мне вообще казался чем-то лишним и ерундовым, а вот разговор с Германом не выходил из головы. Его фразы звучали в голове монотонно и глухо, а предчувствие скорых проблем постукивало в висках молоточками.

Пятнадцать минут.

Мне выделили пятнадцать минут на разговор об изменениях левого крыла – крыла, сравнимого по размерам чуть ли не с половиной футбольного поля! И речь идет не о гараже или ангаре, речь идет о шикарном особняке.

Я понимаю, Кондрашов – занятой человек.

Я понимаю – жить в левом крыле будет не он, а его родственница.

Я понимаю – это моя работа, а не его.

Я все понимаю, но… но пожелания высказать можно?

Что мы успеем за пятнадцать минут? За пятнадцать минут мы успеем дойти от двери до первого каминного зала – и только.

Кондрашов настолько равнодушен к обстановке? Или мне доверяют абсолютно? Или потом он перечеркнет воздух рукой и скажет: «Спасибо, конечно, но мне это не нравится, переделайте еще раз»? Или я тороплюсь? И хочу слишком многого сразу?

Пятнадцать минут…

Неплохо для начала.

Глава 4

Вопрос на засыпку: Как расположить к себе собеседника?

Ответ: Не скрещивайте руки, не скрещивайте ноги и улыбайтесь…

Декабрь начался мокрым снегом, косым дождем, ухающим ветром и наглым воем соседской сигнализации – все сразу и надолго. Машина юного бизнесмена из двадцать первой квартиры вообще любительница поорать (за что ей сегодня была объявлена благодарность – спасибо, я не проспала). Своего Мышонка рядом с ней я никогда не ставлю – боюсь, малыш оглохнет.

В приподнятом настроении, практически под покровом ночи (да вот, пришлось чистить зубы в этакую рань), я спешно собралась и рванула в сторону дома Кондрашова. День предстоял суетный, и в голове колосился кудрявый хаос.

Вчера я обзвонила три галереи (мои любимые) и навела справки о новых поступлениях. Некоторые вещички заинтересовали, и часам к десяти мне предстояла одна вылазка на Цветной бульвар и еще одна – на Воронцовскую улицу. В каминный зал напрашивался низкий диван с четкими углами и особенный кофейно-журнальный столик, который (по моей задумке) должен сразу оттягивать внимание на себя, и я собиралась во что бы то ни стало найти самый подходящий диван и самый подходящий столик! Еще мне предстояло

закрыть предыдущий проект – трехкомнатная квартира на окраине (без последнего аккорда: «здорово получилось, обязательно обращайтесь в дальнейшем» – никак нельзя) – и заглянуть в офис, а именно в бухгалтерию. Не может жить без меня бухгалтерия. Тут уж ничего не поделаешь: пришло время частично распрощаться с бумажными долгами…

К Кондрашову я не опоздала.

– Доброе утро, Наталья, пожалуйста, проходите. – Герман выглядел все так же безупречно и, как и в прошлый раз, держал в руке блокнот. – Дмитрий Сергеевич ждет вас.

Когда мы остановились около нужной двери, до меня донесся монотонный бой часов. Бом-бом-бом… Герман что-то прошептал, кивнул и пропустил меня вперед…

В кабинете царила атмосфера, которую я бы назвала смертельной.

Если вы когда-нибудь застревали в лифте и томились полчаса приступом клаустрофобии, если вы когда-нибудь глотали тополиный пух и бесконечно терли покрасневший от аллергии нос, если вы когда-нибудь шастали по лесу и удрученно складывали в корзинку мухоморы, мысленно стряпая наваристый суп, если вы когда-нибудь, гуляя по птичьему рынку, натыкались на ряды клеток, забитых желтыми и оранжевыми канарейками, и долго стояли, глядя на эту невыносимо тесную жизнь, то вы поймете, что я имею в виду.

Часы, похожие на пенал первоклассника, наконец-то заткнулись и уставились на меня двумя полосками узких стекол.

За столом сидел Дмитрий Сергеевич Кондрашов – с последним «бом» он встал.

– Здравствуйте, прошу вас, садитесь. – Он указал на темно-коричневое кресло.

– Здравствуйте, – ответила я и, на пути к контакту между двумя цивилизациями (дизайнер и Акула), старательно и очень располагающе улыбнулась.

Герман занял место около окна и распахнул блокнот.

Мы с Кондрашовым синхронно сели и уставились друг на друга.

Его взгляд красноречиво говорил: «Я вам выделил пятнадцать минут, и будьте добры уложиться в этот промежуток времени».

Мой взгляд не менее красноречиво выдавал: «Если из-за ваших закидонов я провалю заказ… месть моя ляжет на вашу сказочную судьбу пыльной бетонной плитой – обещаю».

– Вы хотели со мной встретиться, я слушаю вас, – дал мне подзатыльник Дмитрий Сергеевич.

Ну да, ему-то со мной встречаться смысла не было. Ни одной причины, чтобы встретиться со мной… Ага, это я немножко покапризничала и поклянчила…

Наклонив голову набок, я поймала взгляд его серых глаз. Что можно сказать об этом человеке?

Справка

Дмитрий Сергеевич Кондрашов

Я бы ни за что не назвала его приятным. Какое там! Мощная шея, крепкая спортивная фигура, спрятанная под дорогим костюмом цвета маренго, темно-русые волосы, двухсантиметровыми ручейками примятые к голове, сухие глаза, в которых слишком много каменного инея Мертвого моря, совершенно неуместный греческий нос (ему бы нашлепку какую-нибудь или картофелину сорта «Белорусский ранний») и тонкие жесткие губы.

Ни одной ноты самого задрипанного обаяния.

Ни одной капли хотя бы тусклого света.

Ни одной чайной ложки остроты и непредсказуемости.

Он напоминал деревянного идола, у которого есть два основных предназначения: взирать и думать. Взирать и думать – с утра и до вечера! И все.

Единственное, что мне понравилось в Кондрашове сразу и безоговорочно, так это то, что ни одной точкой, ни одной запятой своей внешности он не напоминал мне бывшего мужа. Уж не знаю, почему я вдруг ударилась в сравнения.

Этап вежливого знакомства мы пропустили: я – дизайнер, он – Акула, и так все понятно.

– Мне бы хотелось услышать ваши пожелания по поводу перемен в левом крыле дома, – испытывая внутреннее раздражение, даже слишком холодно произнесла я. – Я не знаю ваших предпочтений в цвете, в стиле, а это неправильно. Конечный результат моей работы должен вас устроить, не так ли?

«Не так ли?» – было лишним, с этой фразой я поднялась к уровню учительницы начальных классов, отчитывающей разгильдяя-ученика. Ладно, Дмитрий Сергеевич, признаю, погорячилась.

– Я вам абсолютно доверяю.

Чертовски приятно! А не скажете ли то же самое моему боссу? Ну, чтобы потом, когда вы откажетесь платить и потребуете капитального ремонта в своих умопомрачительных апартаментах, он не рвал бы на себе волосы и не рисовал бы куском угля на моей всхлипывающей груди идеально ровные круги мишени.

– Спасибо за доверие, – выдохнула я и мысленно приняла трагическую позу умирающего лебедя. – Ваш помощник, – я повернула голову к статуе по имени Герман, – сказал, что в левом крыле будет проживать ваша родственница, может… может, мне поговорить с ней? Я бы могла учесть…

– Нет, – перебил Кондрашов. – Это вряд ли получится. Пожалуйста, не беспокойтесь, я уверен, вы не нарушите атмосферы дома и измените левое крыло в лучшую сторону. Спокойные тона, дополнительная мебель… мебель, удобная для молодой женщины и… Пожалуй, ничего больше. – Кондрашов нахмурился и сцепил руки перед собой.

Замкнутый круг. Честное слово.

– Может, мы продолжим разговор как раз в левом крыле? Есть же особо ценные для вас детали…

– Нет, это лишнее. – Дмитрий Сергеевич посмотрел на часы и повторил: – Это лишнее. С комнатами вы можете делать все, что посчитаете нужным. Герман, пожалуйста, реши вопрос с освободившейся мебелью и картинами. Я не хочу никаких проволочек и неудобств.

– Конечно, – покладисто кивнул Герман и занес сие наиважнейшее распоряжение в блокнот.

Я редко когда теряю дар речи, но в данный момент я поняла, что сказать мне абсолютно нечего. Зеленая и густая тоска, клаустрофобия, тополиный пух с аллергией, конопатые мухоморы и клетки с оранжевыми канарейками навалились на меня одной общей кучей – еще секунда, и поза умирающего лебедя сковала бы меня в реальности. Я уже представила, как стекаю на паркет, вытягиваю правую ногу вперед, скрещиваю руки и клюю носом коленку, как… как дверь распахнулась и в кабинет вошла уютная мягкая седовласая женщина, держащая в руках поднос с тремя чашками.

О чудо!

Она была настоящей!

И она пахла кофейными зернами и ванилью (я была уверена в этом!).

Мое унылое отчаяние метнулось к ней через комнату и цепкими ручонками схватилось за юбку. Тетенька! Не уходите!

Подавив радостный смешок (мол, мы-то с вами знаем, что эти два индюка совершенно ненормальные), я улыбнулась ей и – о чудо! – наконец-то получила в ответ улыбку! Пусть эта улыбка была катастрофически сдержанной, но она была, она слетела со строгих губ и взмыла к потолку – она исчезла, но след в моей душе остался.

Пусть, пусть это будет та самая родственница, для которой мне нужно изменить серый цвет на светло-персиковый (неважно, что ей давным-давно перевалило за объявленные тридцать лет)! Пусть…

– Спасибо, – сухо произнес Кондрашов и, помедлив, добавил: – Наталья, познакомьтесь – это Ада Григорьевна, она помогает по хозяйству. Ада Григорьевна, это Наталья Амелина – дизайнер, в ближайшее время она будет обновлять интерьер левого крыла дома.

Разочарование (ну почему же, почему мне придется стараться не для нее…) и удивление (неужели, неужели он узнал и запомнил мое имя?!) наложились одно на другое.

– Хорошо, – ответила Ада Григорьевна и выплыла из кабинета.

Мухоморы опять полезли из всех углов.

– Пожалуйста, кофе, – предложил мне Кондрашов, дернув подбородком в сторону чашек.

– С удовольствием, – из вредности ответила я (ха! пусть на минуту, но я перекрою выделенный лимит времени). Я решительно-самостоятельно подошла к столу, подхватила чашку и вернулась в кресло. – Персиковый и коричневый тона вас устроят? – я продолжила гнуть свою линию.

Кондрашов вопросительно посмотрел на Германа.

Ага, посовещайтесь, мальчики.

– Да, – ответил он после кивка личного помощника.

– Замечательно! – Я улыбнулась до ушей, еле сдерживая возрастающее, не пойми откуда взявшееся веселье. – Удобно будет, если я приеду во второй половине дня? Сегодня мне нужно заглянуть в две галереи – я уже начала подбирать диван и столик для каминного зала.

– Да, – вновь ответил Дмитрий Сергеевич, желая, по всей видимости, выставить меня поскорее.

Я сделала глоток кофе и покосилась на часы. Восемь часов четырнадцать минут – мое время почти истекло.

Кондрашов тоже посмотрел на часы и нахмурился.

Я сделала еще один глоток кофе.

Наши глаза встретились.

«Спасибо, вам пора».

«Я не допила кофе».

«Вам пора».

«Вы забыли – кофе».

«Пора».

«Кофе».

Я сделала третий глоток и, поймав нервную морщину на лбу Кондрашова, поднялась.

– Спасибо, надеюсь, моя работа вас не разочарует.

– Я вам абсолютно доверяю.

О! Эта фраза становится классикой!

– До свидания.

– До свидания. Вы можете приезжать в любое время – позвоните Герману, и он вас встретит. Или Ада Григорьевна…

Я посмотрела на часы – восемь часов шестнадцать минут. Это победа!

Направляясь в галерею «Бридж» на Цветном бульваре, я улыбалась, качала головой, хмыкала и кривила губы. Зачем я встречалась с Кондрашовым – непонятно! С равным успехом о том же самом я могла бы поговорить со слоном в зоопарке или с рекламным стягом, болтающимся на ветру неподалеку от моего дома. Дмитрий Сергеевич и Герман – два сиамских близнеца, две половинки гамбургера, две шляпки мухомора! А как Кондрашов смотрел на меня! Будто я назойливая муха, которую он вынужден терпеть целых пятнадцать минут! Теперь понятно, почему его дом нашпигован всевозможными часами (точно сдобная булка изюмом) – Дмитрий Сергеевич очень занятой человек! Минута – доллар, минута – фунт стерлингов, минута – франк гвинейский, минута – шиллинг кенийский, минута – тугрик монгольский. А тут я со своими шторками да простынками! Бедный, бедный Дмитрий Сергеевич… Затюкал Акулу наглый анчоус.

Дождь уже закончился, а вот липкий лохматый снег забелил деревья, дороги и стекла Мышонка – погода категорически не собиралась улучшаться. Припарковавшись около галереи, я выскочила из машины, подняла воротник и в три прыжка добралась до нужной мне двери. Стоило ее распахнуть, как в нос ударил запах краски, а перед глазами поплыли ленты картин и ваз.

Я люблю шляться по галереям – это еще один плюс в моей работе. Всякое старье, приведенное в порядок, новые вещицы, радующие глаз, осколки прошлого, кусочки будущего… завораживают и переполняют душу творческим непокоем. Я знакома со многими владельцами различных коллекций, с администраторами, менеджерами, художниками и просто увлеченными людьми, которые любят прогуливаться среди легкости и роскоши, выискивая приятные детали и штрихи для настроения. И мне всегда рады, и, если появляется на горизонте что-нибудь стоящее, мой мобильник пищит от информационной эсэмэски. И если для всех галерея «Бридж» открывается в одиннадцать часов, то для меня – намного раньше.

Диван, о котором я вчера разговаривала с администратором по телефону, оказался в точности таким, как я мечтала. Идеальные линии и углы.

– Беру, – сказала я, мысленно втаскивая его в каминный зал левого крыла дома Кондрашова.

В галерее с тонким названием «Ива» меня, наоборот, ожидало разочарование. Этот журнальный столик не имел ничего общего с мечтой. Он был скучен (хотя, кто знает, возможно, именно этим он и понравился бы Кондрашову), он был грустен, он был сух, и даже стеклянная полочка со стеклянной ножкой не спасали положение.

– Увы, – сказала я, прощаясь и с полочкой, и с ножкой. – Увы…

В офис я приехала только в два (обладатели преображенной трехкомнатной квартиры, на которую я потратила кучу времени, никак не хотели меня отпускать, нахваливая то кухню, то ванную, то детскую… лучше бы накормили…) и, плюхнувшись за свой стол, сразу обнаружила записку от Середы – буквы, как всегда, прыгали вверх и вниз: «Зайди!»

Интуиция тяжело вздохнула и выставила на передний план лощеную фигуру Вячеслава Бережкова. Чувствую, Слива вышел на тропу войны, о чем мне и собирается поведать верный Середа.

* * *

Но Слива оказался совершенно ни при чем.

– Бондаренко запросил у Машки твое личное дело.

Машка, она же Мария Ивановна Шилец, является начальницей и единственным сотрудником нашего скромного отдела кадров.

– Откуда знаешь? – подавшись вперед, поинтересовалась я.

Середа возвел глаза к потолку, что переводилось как: «Это самый дурацкий вопрос, который я слышал за последнюю сотню лет», вынул из верхнего ящика стола кулек фольги, развернул его, протянул один бутерброд с колбасой мне, а второй взял себе. И, тяжело вздохнув, приготовился к повествованию.

Середа имел законное право на насмешку, потому что уж кто-кто, а я-то знала, что информация стекается к его ногам совершенно самостоятельно. Это особенность его биографии, которую невозможно стереть ластиком «Koh-I-Noor» или замазать корректирующей жидкостью «Kores».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/yuliya-klimova/muzhchina-v-karmane

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити